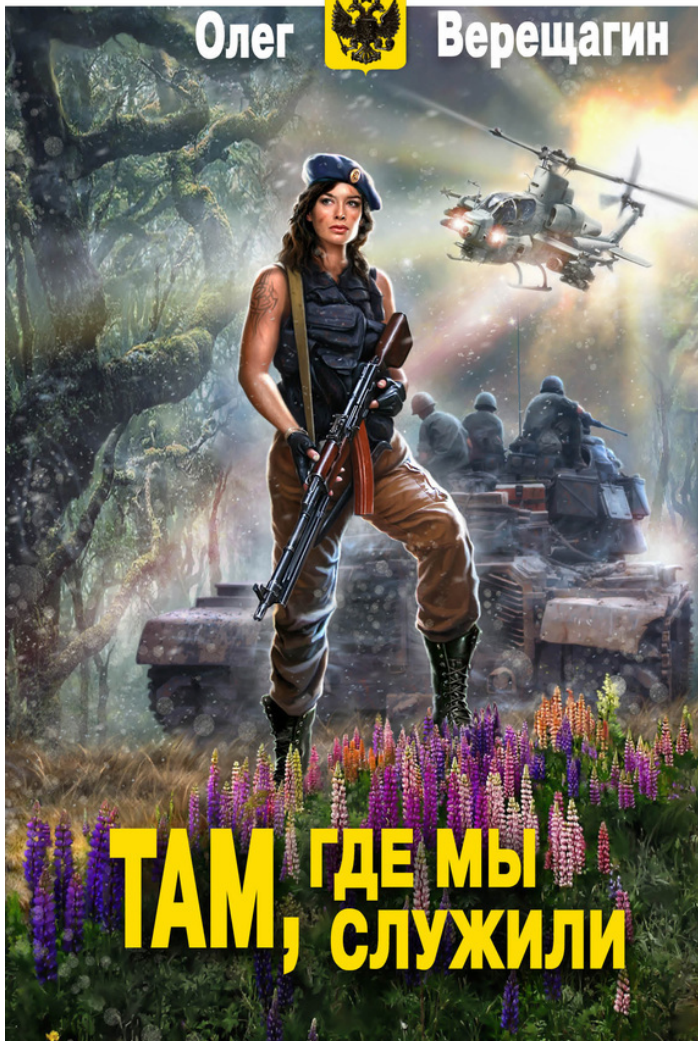

РУССКАЯ ИМПЕРСКАЯ ФАНТАСТИКА

Олег

Верещагин

ТАМ, ГДЕ МЫ
ТАМ, СЛУЖИЛИ

Олег Николаевич Верещагин

Там, где мы служили

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8106801

Там, где мы служили / Олег Верещагин: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-73255-5

Аннотация

Земля далекого будущего медленно возрождается после ядерной войны. Восстановлению цивилизации препятствуют властолюбцы, поощряющие древние кровавые культы, каннибализм, терроризм. С бандитскими группировками борются конфедеративные Роты, созданные двумя возрожденными Империями – Англосаксонской и Русской. Рядовой Джек Брейди проходит через страшные испытания, едва не теряя рассудок, и мечтает только об одном – о том, чтобы войны никогда больше не повторялись. Он, как и его товарищи по оружию, которым от пятнадцати до двадцати с небольшим лет, готовы на все, лишь бы «убить войну»...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	99
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Олег Верещагин

Там, где мы служили

© Верещагин О., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

В конце Серых Войн

То, что осталось от планеты Земля

Глава 1

Когорта проклятых

*...Знаки Зодиака, свастики и руны,
Железные браслеты, кровавые слезы!
Сиреневое небо,
серебряный ветер,
Живые имена под мертвой водою,
Колючих ограждений угрюмые дети...*

А. Земсков

1

Разглядеть своего попутчика Джек так и не смог: сильно трясло, раздражал хлюпающий свист винтов, а главное, в вертолете почти всегда было темно, лишь иногда коротко вспыхивала дежурная лампочка над дверью в кабину пилотов, и тогда англичанин видел светлый чуб и испуганные глаза под низко надвинутой каской.

Джек надеялся, что он сам выглядит совсем не так. Но не был в этом уверен.

Война оказалась совершенно дикой вещью, и Джек поразился тому, как она не похожа на его представления о ней.

Он вроде бы готовился в учебном лагере – долго, упорно... И все-таки реальность оглушила его – не хуже удара прикладом.

Ну, во-первых, было до слез жалко, что рядом с ним нет ни Вовки Гриднева, ни Тедди Катриджа, ни Родди Форшема – никого из тех, с кем успел подружиться в учебке. Дома, в Англии, Джек думал, что у него много друзей. Но в армии он понял: среди них не было ни одного настоящего. Поэтому вдвойне обидно расставаться с армейскими проверенными друзьями, да еще и «разъезжаться по разным концам планеты». Так высказался Родди, и Вовка его тут же ехидно поправил: Земля, хвала Солнцу, пока что шар, а какие у шара концы?!

И теперь рядом с Джеком оказался какой-то поляк с фамилией, похожей на огромный, тяжелый булыжник, – Дембовский. И был он из другого лагеря. Поляк... Что еще за поляки, где они живут-то? Джек этого толком и не знал; вроде бы на границе Русской и Англосаксонской Империй, во круг русского города с немецким названием Варшау. Черт их знает!

С этим поляком они и летели над берегами внутреннего моря Чад. О котором Джек знал не больше, чем о Варшау. И ему ежесекундно казалось, что вертолет падает, сбитый бандитской ракетой.

Можно научить человека всему, что должен уметь солдат, и довести его солдатские действия до автоматизма, взяв это-

го человека из города, в котором уже лет двадцать не стреляют. Но пока он не побывал в настоящем бою, солдатом не будет. В конфедеративных Ротах¹ – только добровольцы, и с уходом обратно на гражданку нет никаких проблем. Но когда стоишь ночью дневальным, то обязательно слышишь, как кто-нибудь тихо плачет в подушку... Легче всего переносили лагерь ребята из пограничных зон, где ложатся спать с автоматом, а дети обучаются владеть оружием раньше, чем связно говорить. Ну, а те, кто оружие видел лишь на занятиях по военному делу, а в Роты шли за рекламируемой журналами романтикой, вылетали чаще других.

Не сказать, что Джек не хотел романтики. Хотел... Но еще больше искренне хотел защитить свою Родину. Он был, в сущности, типичным парнишкой своего времени – сильным, решительным, бескомпромиссным, не очень хорошо образованным; парнишкой из города, где еще двадцать лет назад стрельба на улицах была естественной, привычной... В то же время он странным образом жалел, что не родился раньше, например, когда остатками Лондона правил Ганг Трилистника², канадский «Фирд»³ только-только посылал на «старую

¹ Конфедеративные Роты – во второй половине Серых Войн – мобильные наднациональные отряды, созданные совместно обеими возрожденными Империями по Гритвикенской договоренности для решительной борьбы с организованным бандитизмом на неконтролируемых территориях. (*Здесь и далее примеч. автора*)

² После того как в период короткой Третьей мировой войны и самом начале Безвременья в Лондоне отгремели короткие кровопролитные бои между опол-

родину»⁴ разведгруппы, и с Британских островов во Францию можно было перейти по льду в июле. Проще говоря, в мыслях Джека имелось очень мало логичного. И едва ему исполнилось шестнадцать, как он поставил вопрос перед родителями ребром: или отпускаете, или убегаю.

Он прошел лагерь с честью. Он был в числе лучших. Он рвался на фронт...

...Вертолет, в который они грузились в горах на севере, около Ливийского залива, привез на базу «груз 200» и «груз 300»⁵. Мальчишке казалось сейчас, когда он сидел, привалившись головой в каске к вибрирующей мелкой дрожью стене, что он никогда в жизни не забудет выскочившего из

ченцами и боевиками этнических (в основном мусульманских) группировок, контроль над остатками города захватила мафиозная группировка, состоявшая в основном из ирландцев. В период Безвременья группировка выродилась в мощную квазирелигиозную секту, приносящую человеческие жертвы. Ганг Трилистника правил Лондоном и значительной частью окрестностей почти десять лет, пока не был уничтожен «Фирдом».

³ Основанная английскими беженцами в Канаде («англоканадцами») в начале Безвременья организация – военный орден, – ставившая целью «торжество цивилизации». В настоящее (по действию книги) время «Фирд» фактически правит Англосаксонской Империей, его членом является сам Император.

⁴ Бытовавшее в среде «англоканадцев» название Британских островов, сильно пострадавших в ходе ядерной войны и последовавших за нею беспорядков и катаклизмов.

⁵ В книге и дальше будет неоднократно встречаться знакомая нам военно-жаргонная терминология, причем в устах вовсе не русских персонажей. Удивляться этому не надо: Роты были настоящим «плавильным котлом», их жаргон сложился из русского и англосаксонского с сильными вкраплениями нескольких других.

«вагона»⁶ молодого сержанта. Он совершенно бессмысленными глазами посмотрел вокруг и, соскочив вниз, заорал:

– Разойдись! Разойдись, б... рот! – потом повернулся к вертолету, принял носилки, потащил их на себя, передал санитару и побежал рядом, придерживая пластиковый мешок капельницы и выкрикивая: – Держись, сука, держись, не закрывай глаза, смотри на меня, на меня, ублюдок несчастный!..

Белый от бинтов кокон на носилках издавал странный звук:

– Ы-х... ы-х... ы-х... – быстро и прерывисто.

Следом выгрузили еще двое носилок, унесли. Потом в проеме появился белобрый капрал в противосолнечных очках и с неистребимым русским акцентом сказал встречавшему сержанту:

– Одни «двухсотки» остались внутри.

– Много? – сержант заглянул внутрь.

– Пять штук.

– Давай помогу. – Сержант исчез в вертолете, и через несколько секунд оба появились, таща длинный оливково-серый дерюжный мешок, прогнувшийся посередине. Сержант неловко споткнулся, выронил свой край мешка, капрал не удержал, и мешок со стуком упал на бетонку.

⁶ «Ка-300», русский вертолет по схеме «летающий банан». Поднимал стандартной загрузкой 50 пехотинцев в полном снаряжении. Экипаж – 5 чел., крейсерская скорость – 300 км/ч, вооружение – 2×6 двадцатимиллиметровые пушки в бортовых дверях, блок активной противоракетной защиты. Мощная броня.

– Сержант, у тебя что, мухи в руках е...?! – заорал капрал, подбрасывая очки на лоб.

– Да ему уже все равно, – хладнокровно ответил сержант, спрыгивая вниз. – Вот ведь сам чуть не загремел... Погоди, сейчас я еще кого-нибудь кликну, сразу перетаскаем в рефрижератор... – Он посмотрел по сторонам, и Джек обмер при мысли, что сейчас сержант позовет его и придется таскать трупы. Он понял, что это трупы... а мертвецов Джек не видел ни разу в жизни и испытывал ужас, когда думал, что придется переносить убитых...

Но сержант позвал кого-то из русских стрелков, сидевших ближе к вертолету, и Джек испытал такое облегчение, что ноги ослабели.

– ...Налево – позиции «Волгограда». – Штурман, высушившись из кабины, махнул рукой. – Там тропинка протоптана и указатель висит. Счастливой службы, парни!

Джек вяло махнул рукой. Поляк просто выскочил наружу и отбежал прочь, неся в низко опущенной руке свой «ропик»⁷.

«Волгоград». Их рота. Джек огляделся, но кругом была совершенно непроглядная тьма, только впереди иногда вспыхивали огоньки, и это были выстрелы. Вспышки сопро-

⁷ Жаргонное название «РОП-4» – ручного оружия поддержки, фактически гранатомета в 40-мм, способного вести огонь калиберными и надкалиберными боеприпасами самого разного снаряжения: от кумулятивного противотанкового до термобарического. Вес без гранаты – 4 кг, длина без гранаты – 117 см, фактическая дальность стрельбы – 400 м.

вождали звуки, похожие на постукивание дятла в лесу, – совсем как в окрестностях города Джека.

– Как дятел, – вдруг сказал поляк.

Джек покосился на него:

– Я тоже так подумал... Ты откуда?

– Из Радома. А ты?

– Из Донкастера.

Названные места были взаимно неизвестны обоим парням.

– Я Дембовский. Густав Дембовский, – представился поляк.

– Джек Брейди. – Англичанин пожал протянутую руку, почувствовав, что ему стало чуть легче. Все-таки он не один... – Пошли искать тропинку? Он сказал налево...

– Пошли.

Они прошагали метров пятьдесят. Джек резко остановился.

– Не вижу никакого указателя, чтоб его...

– Я посвечу, – Густав порылся в набедренном кармане и достал плоский фонарик. Вспыхнул белый свет, показавшийся особенно ярким после нескольких часов темноты.

В ту же секунду сильнейший толчок бросил обоих наземь, а где-то на уровне их голов раздалось: «Свить! Свить!» Чуть слева грохнул, раскатился и зашелся пулемет, справа бешено заорали на два голоса, ночь прорезал длинный хлыст бронзового пламени. Лежа и вывернув голову, Джек увидел мед-

ленно, плавно снижающийся веер цветных трасс... Что-то сухо треснуло в темноте. Над ухом англичанина кто-то дышал, и это был не поляк.

Простучали по земле быстрые шаги, что-то тяжело упало рядом, и злой голос спросил с непонятным акцентом:

– Какой идиот светил?!

И над ухом Джека прозвучало:

– Двое новичков, товарищ капитан.

– Давай их ко мне в блиндаж, бегом!

Англичанин почувствовал, как его оторвали от земли, потом согнули пополам и в таком унижительном состоянии поволокли бегом, а потом втолкнули куда-то, где было светло.

Это оказался блиндаж на основе полевого укрытия – алюминево-стальная основа с дакроновым покрытием, сверху заваленная мешками. Память молниеносно подсунула нормативы и порядок возведения, но притащивший их с поляком здоровенный сержант в этот момент крепенько их встряхнул – так, что клацнули зубы. Снаружи все еще стреляли, стрельба постепенно смещалась и вправо и влево.

За раскладным столом расположился рослый, еще совсем молодой капитан в конфедеративной форме. Такая же была и на парнях... вот только на них она пока еще сидела как на портновских манекенах – хорошо пригнанная одежда, а не естественная часть человека. Капитанская же форма выглядела естественно. Такой же удобной казалась и форма сержанта, доставившего новичков в блиндаж.

Лицо капитана не предвещало ничего доброго. Но он пока помалкивал, и сержант, тряхнув поляка еще раз, спросил:

– Ты кто такой, дуллоли тэп?!⁸

Поскольку поляк, совершенно обалдев, молчал, Джек рывком высвободился из лапы сержанта (унизительно почти висеть подобно нашкодившему щенку!) и, вскинув ладонь к каске, отрапортовал:

– Товарищ капитан, рядовые Брейди и Дембовский, лагерь «Мейзи», направлены для прохождения боевой службы в ударную роту «Волгоград» десятой сводной конфедеративной дивизии! Доложил рядовой Брейди!

Капитан недобро посмотрел на сержанта, потом с усталой, тоскливой обреченностью – на юношей.

– Ты видел, Хэдли? – спросил он тихо. Покачивая пальцем перед лицом, доверительно сказал «пополнению»: – Вот таких урюков, как вы, «синие береты»⁹ пачками крадут. С толчков и из постелей. Вы за каким... п-п-пальцем посреди позиций фонариками мигали?

– Видите ли, товарищ капитан... – Джек посмотрел на Дембовского, тот, кажется, еще не отошел от происходящего вокруг. – Видите ли, товарищ капитан, нам сообщили, что тут должна быть табличка... было очень темно, и мы решили

⁸ Псих (*англ. армейский жаргон*).

⁹ Синий берет был отличительным знаком бандитской армии Центральной Африки. Армия состояла в основном из европейцев и потомков европейцев и представляла собой реальную военную силу – редкая банда того времени могла с нею сравниться.

сориентироваться...

– Ты видел, Хэдли? – снова спросил офицер. – Три дня назад, щенки, один вот такой вышел помочиться. И посветил себе – для удобства. С той стороны ему вогнали разрывную в пах – на свет удобно ориентироваться. И вы туда же... – Он посмотрел в потолок и отрывисто сказал: – Капитан Мажняк. Командир «Волгограда». Документы.

Четким движением, понравившимся, кажется, капитану, Джек достал запаянную в пластик карточку удостоверения. Секундой позже – и не менее четко – то же самое проделал Дембовский.

– Стрелок и глухарь... – Мажняк, почти не глядя, бросил карточки куда-то в ящик. – Пойдете во взвод лейтенанта Фишера, отделение сержанта Херста. Второе отделение пятого взвода.

– Разрешите идти, товарищ капитан? – Дембовский козырнул, Джек тоже.

– Не разрешаю, – резко ответил Мажняк. – Если опять решите посветить под ноги, чтобы не споткнуться, поедете домой. Сержант, проводить их.

Снова козырнув, оба повернулись было к откровенно ухмыляющемуся сержанту, но голос капитана заставил их снова развернуться к командиру роты:

– И вот что, парни. Поменьше козыряйте. И побыстрее учитесь. Свободны!..

...Сержант Хэдли заговорил первым.

– Там бандосы. – Он махнул на юг. – Пехота, кавалерия какая-то, даже танки есть. И «синие береты» величают себя, по своему нахальству, бригадой. Тысяч пятнадцать будет – против наших шести. Вы, парни, из лагеря, ничего там не слышно насчет солидных подкреплений? Вроде бы в Азии войска освобождаются, там же победа...

– Ничего, товарищ сержант, – с сожалением ответил Джек. – В лагере времени-то не было прислушиваться, сами понимаете...

– Понимаю, – вздохнул сержант. – Можно без «товарища», просто «сержант» или «Фитч», и так и так... Ты не из Канады, парень? – спросил он Джека.

– Нет, из Англии...

– А-а... Ну вот. Между нами и ними – миль пятьдесят холмов. Раньше их, если старые карты смотреть, не было, свеженькие холмы. Вот в них и воюем. Бывает по-всякому. Левый фланг прикрывает Крэйн со своими добровольцами, там тихо...

– Кто идет? – окликнули из темноты. Резко, так, что новички разом остановились. Сержант подтолкнул их, небрежно бросил:

– Омск...

– ...Дурбан, – отозвался голос. – Проходите.

– Вот... А наш фланг посложнее. У нас в тылу – «черные повязки».

– А кто это, сержант? – спросил осторожно поляк.

– Еще одна разновидность бандосов, – ответил сержант. – Вы, парни, обвыкайте. Здесь кого только нет вокруг. За горами на западе – англосаксонский экспедиционный корпус. С ними поселенцы со всей Европы, у них свое ополчение... Крэйн с добровольцами – это тоже англосаксы. Мы здесь. Против нас – «синие береты» и махди¹⁰, которых они в кулаке держат. А с «черными повязками» у них сложные терки – две крысы в одной ловушке... А что на северо-востоке, где Нил, – так про это только сказки рассказывают. Самые разные, в иные и не поверишь...

Впереди появились очертания плоской землянки. Судя по всему, вход был завешен то ли брезентом, то ли еще чем – неважно, свет наружу не пробивался. Зато пробивался шум. И сильный.

– Не демаскирует? – с легким ехидством спросил Джек, слегка пришедший в себя. Сержант серьезно ответил:

– Вход в нашу сторону, звук смазывается... Ну, я вас доставил – побегу. Устраивайтесь, у них там просто. И не тушуйтесь! – Сержант подтолкнул их в спины, хотя «тушеваться» они уже и не собирались – наступала определенность.

Юноши остались одни. Тушеваться, не тушеваться, а волнение Джек испытывал, и сильное. Как-никак, а там ветераны, как они отнесутся к новичку, да еще неопытному? Да и веселье в землянке отдавало чем-то нехорошим, чем-то...

¹⁰ Остатки населения Центральной Африки, окончательно деградировавшие в период Безвременья.

– Пьют, – вдруг сказал поляк.

– Что? – удивился Джек.

– Самогон, наверное, – пожал плечами Густав. И, видя, что Джек не понял, пояснил: – Там пьют. Наши сослуживцы теперешние. С горя гуляют.

– Откуда знаешь? – недоверчиво спросил Джек. Он сам в жизни не пил ничего, крепче пива. И пьяных видел только издалека.

– Знаю. У меня папаша бухает. Вернее, бухал. Сейчас – не знаю, он сейчас где-то в Гоби.

Джек мысленно плюнул и хотел уже было шагнуть внутрь, но препятствие откинулось, и наружу выскочил непонятно кто. Вопреки прогнозу Густава от него не пахло, и прореагировал он мгновенно:

– Кто такие? – в темноте раздался щелчок пистолета.

– Пополнение, – быстро сказал Джек.

– А-а... Мажняк бибикал. Проходите внутрь, не стойте.

Голос был молодой, но резковатый, командный. Говорил по-английски, но с каким-то странным акцентом. Джек не понимал с каким. Размышляя над этим, Джек все-таки шагнул внутрь...

...И чуть не умер от страха. На него смотрела пылающая алым огнем рожа, похожая на физиономию монстра из приключенческой книжки.

– Проходи, ты чего? – Поляк подтолкнул в спину, и Джек обрел чувство реальности. Ему стало ясно, почему наружу

не пробивался свет, когда встретивший их не пойми кто откинул полог. За ним начинался короткий – в два шага – коридорчик, в конце завешенный еще одним пологом.

И на этом пологе светящимися красками кто-то намалевал рожу.

2

Блиндаж внутри был больше командного, да это и понятно: тут жили десять человек, вдоль стен стояли легкие двухъярусные кровати с отделениями для личных вещей, креплениями для формы, оружия, снаряжения... Но стол, врытый в землю посреди блиндажа, был самодельный. А сиденья складные – без спинок, с натянутым брезентом.

В блиндаже горела переноска. И Джек понял, что Густав не ошибся. Здесь пили. Если бы Джек знал русский получше, он сказал бы точнее: здесь бухали. Стояли и лежали какие-то кувшины, похоже, местные и, конечно, с местным же содержимым. В углу Джек увидел закинутую – наутро дошло до него – упаковку фабричного пива. В конце стола были установлены две большие цветные фотографии, перед которыми виднелись два пластиковых стаканчика, накрытые ломтиками хлеба.

На вошедших никто не обратил внимания, и они могли спокойно – почти спокойно – разглядеть все застолье. Благо так вышло – все сидели удачно, видны были лица.

Худощавый скуластый парень с темно-русой челкой, широко расставив ноги и опустив голову, рвал струны гитары и пел высоким, почти плачущим голосом. Наискось от него сидел, положив на стол кулаки и глядя в стену напротив пьяно-недобрым взглядом, белокурый сержант – он во всей компании выглядел самым старшим, но и ему было не больше девятнадцати-двадцати лет. Роста он, судя по всему, был гигантского – не меньше ста девяноста сантиметров – и сложения не то что атлетического, а просто-напросто эпического.

Через стол, упершись друг в друга лбами и облокотясь на края, замерли плечистый темно-кудрявый атлет и ровесник новичков, тоже темноволосый, но волосы прямые и кожа смуглее. За ними меланхолично грыз стеклянный стакан желтоволосый крепыш с холодными даже по пьяни, бледными глазами – выплевывая окровавленные осколки, он что-то цедил и правой рукой обнимал ревущую худощавую девушку с волосами, собранными в короткий густой «конский хвост».

Еще одна девушка – светло-русая, с красивыми, но крупноватыми чертами лица, кажется, была трезвой, хотя и сидела очень оригинально: положив босые ноги на свой участок стола.

Гитарист, грохнув по корпусу инструмента ладонью – гул, как от барабана, пошел по блиндажу, и начал новую песню, от которой у Джека странно защемило сердце, хотя он понимал далеко не все слова. Гитарист пел тихо, почти неслыш-

но, но все остальные сразу замолкли...

Эх, по-над лесом да лебеди летят.
Но не охотнички здесь с ружьями стоят.
И в горле ком, и кровь не греет изнутри,
И кто-то на ухо шепнет: «Смотри, смотри!»
Эх, по-над лесом лебеди летят,
Когда летите вы, я трижды виноват...
Что ж не сумели вы чуточек стороной?
Ах, если б вы могли забрать меня с собой!

Сидевшие лоб в лоб подхватили – поматывая головами, громко и монотонно, отчего юные голоса звучали глуховато. Петь оба, судя по всему, умели и даже по пьяни пели хорошо, а гитарист играл и подпевал:

Белый лебедь, ты на небе, а я на земле,
Это письма издалека прилетели ко мне...
Белый лебедь, ты на небе, а я на земле,
Это письма издалека прилетели ко мне...
Это снег идет из мохнатой тьмы...
Я не знал, что так далеко до весны!¹¹

– с протяжной тоской заключил гитарист.

Сержант ударил по столу кулаком и потянулся за кувшином.

¹¹ Песня из репертуара группы «Любэ», стихи М. Андреева.

– Кну-ут! – заревела еще сильней девчонка с «хвостом», а двое сидевших лоб в лоб заглушили ее. Желтоволоосый закрипел зубами:

– Ш-шаййсссе, о херршшайн! Аллес феррдамт...¹²

Тепло живое под твоим крылом
До боли точно мне напомнит дом.
Напомнит... грустно-серые глаза...

И вдруг гитарист выкрикнул, играя уже по-другому – резко, зло:

Но то запретная черта, туда нельзя!
И в горле ком, и кровь не греет изнутри,
И кто-то на ухо шепнет: «Смотри, смотри!»
Что ж не сумели вы чуточек стороной?!
Не пролетайте, твари, больше надо мной!

Он уронил голову, глуша струны одним хлопком, и гитара негромко, жалобно загудела... Наступило короткое молчание, глубокое, как омут, – и негромко запели уже все, жутковатым хором:

Белый лебедь, ты на небе, а я на земле,
Это письма издадека прилетели ко мне...
Белый лебедь, ты на небе, а я на земле,

¹² Дерррьмо, о Солнце Святое! Все они не жильцы... (нем.)

Это письма издалека прилетели ко мне...

Это снег идет из мохнатой тьмы...

И – выдох гитариста:

– Я не знал, что так далеко до весны-ы... – А потом, мотая головой, он простонал-прорычал: – Пор-рву-у... на лоскуты порву, дайте только добраться...

– Оптимальное состояние в бою, – заговорил богатырь-сержант, и по голосу нельзя было сказать, что он пьян или хотя бы выпил, – это безразличие к врагу и к себе. Не забывая об этом, Андрей.

– Отстань, сержант. – Гитарист, как слепой, зашарил по столу, нашел стаканчик... и вдруг сдавил его – белесая жидкость выбрызнула в стороны сквозь пальцы. – Они отрезали голову Радко! Отрезали ему голову! А я ничего не смог сделать, ничего, ничего, ничего! И я не могу быть безразличным!

– Кнут... – всхлипнула «хвостатая». Похоже, ее заклинило...

– Ну, проходите, чего встали? – услышали юноши сзади. За их спинами, придерживая рукой полог, стоял высокий гибкий блондин с голубыми глазами, чуть старше их самих. Судя по знакомому голосу, именно он встретил их в темноте на входе. Видя откровенное замешательство пополнения, блондин тихо сказал: – Не мандражируйте. У нас редко так... очень редко. Позавчера погибли двое наших, а мы

полгода воевали без потерь... Вот так. Радко Босанич и Кнут Буссен. Так что не удивляйтесь. И не вздумайте сказать, что прибыли вместо них – Эрих наверняка полезет драться, да и Эндрю тоже...

– Кто это, Дик?

Сержант смотрел прямо на вход – чуть прищуренными, внимательными глазами без тени хмеля. Чувствуя себя, словно перед прыжком с вышки, Джек отдал честь:

– Рядовой-стрелок Джек Брейди, Англосаксонская Империя!

– Рядовой-гранатометчик Густав Дембовский, Русская Империя!

– Пополнение, Иоганн. – Блондин, оказавшийся Диком, ловко спрыгнул со ступенек, выложенных ящиками из-под вертолетных НУРСов. – Дайте место, ну-к-сь!

Все сидевшие за столом – кроме Дика, который принялся хладнокровно кромсать складным «скаутом»¹³ финскую салями, лежавшую на собственной обертке, – разом повернулись в сторону Джека и Густава, как раз спустившихся со ступенек и вновь застывших.

Взгляды были оценивающие и, с облегчением заметил Джек, ни одного недоброго. Русая девчонка, впрочем, не соизволила повернуться – она откинулась подальше назад, го-

¹³ Выпускаемый для скаутов Англосаксонской Империи нож – набор лезвий и инструментов. В Русской Империи его аналогом, которым пользуются пионеры, является «соболь».

лову тоже откинула и разглядывала новеньких из такой позиции. Джек машинально отметил, что на щеке у темноволосого атлета – на левой – лиловое блестящее пятно страшного ожога, от скулы до низа челюсти.

– Ну... – сказал сержант. – Чего стоите, садитесь... коли пришли.

– Мажняк головой о пень ударился, – сказала русая девушка. – Из лагеря, мальчики?

Джек и Густав, оставив рюкзаки и оружие у входа, как раз подошли к столу. Джек промолчал, а поляк ответил:

– Из лагеря, девочка.

Она подняла брови и засмеялась, потом выдвинула из-под стола стул и хлопнула по нему. Густав сел, не поблагодарив. Дик, доедавший резанку, вдруг спросил:

– Считаешь, что это в порядке вещей? И «спасибо» говорить не надо?

– Спасибо, – в пространство сказал Густав. – Но там, откуда я родом, девушки занимаются столом. Это их обязанность, как обязанность мужчины – кормить и защищать.

Гитарист поднял голову. Глаза у него оказались желто-карие, рысьи.

– Слушай, «еще Польша не згинела»... – медленно сказал он, но девушка махнула рукой:

– Оставь, Андрей. По-том...

Джек между тем сел на свободный стул – между «хвостатой» и смуглым парнем, как раз наливавшим себе. Желто-

волосый несколько секунд пристально смотрел на англичанина, а потом, что-то решив, через его голову обратился к сержанту:

– Иоганн, Мажняк хочет сказать, что это замена Радко и Кнуту?

– Кну-ут... – отреагировала его соседка.

– Я не хочу никого заменять, – сказал Джек. – Я понимаю...

– Он понимает. – Желтоволосый поглядел вокруг. – Вот дерьмо свиное! Вы слышали? Он – по-ни-ма-ет! Я тебе скажу, англичанин, что ты ни хрена не понимаешь!

– Хочешь драться? – напрямик спросил Джек. Немец был тяжелее его, крепче и, конечно, больше умел. Но по лагерю парень знал, что с такими лучше выяснять отношения сразу. Такие кадры есть везде. И вообще, кстати, не обязательно, что они гады и прочее. Просто кулаки чешутся, и хочется сразу установить, какое место на иерархической лестнице займет новичок. Кстати, так они подружились с Тедди Катриджем.

– А ты умеешь драться? – Желтоволосый начал подниматься. Джек почувствовал, как напряглась сама собой правая рука. Сейчас – в пояс, левой – в солнечное, обеими – по затылку... Но все-таки с драки начинать никак не хотелось.

– Сядь, Эрих, – подал голос сержант, и желтоволосый Эрих и правда сел. Потянулся к кувшину, но русая ловко убрала посуду:

– Тебе хватит.

– Хелен...

– Хва-тит. А то ты уже на патронные ящики кидаешься...

И ты, Дик, кончай хавать. Только что ходил смотреть на луну – и теперь этими же самыми руками берешь колбасу!

– Хорошо, что ты не в службе снабжения, – засмеялся Дик и повернулся к новичкам. – Вы рубайте, не сидите, завтра тут, – он показал на стол, – ничего не будет.

Джек обнаружил, что перед ним стоит стакан, до краев полный белесой жидкостью.

– Спасибо, я не пью.

– То есть как? – поинтересовался желтоволосый. Стакан поставил именно он.

– Не пью.

– За наших ребят. – Немец кивнул в сторону снимков.

– Ты думаешь, им было бы приятно видеть вас такими? – спросил Джек.

Стало тихо. И в этой тишине Хелен сказала удовлетворенно:

– Получили?.. Правильно... как тебя, Джек? Правильно, Джек. И не думай, что ты тут один такой. Я в рот не беру... – Кто-то хмыкнул, но еле слышно. – И Дик не пьет.

– Только ест, но много. И тощий почему-то, – констатировал тот, что с ожогом.

– Помалкивай, этнографическое недоразумение, – не отрываясь от колбасы, сказал Дик.

– А я выпью, – сказал Густав и опрокинул стакан, подан-

ный обожженным, залпом.

– Ого, – заметил гитарист. – Наш брат. Славянин.

– Х-х... – Густав, зажмурясь, повел рукой над столом; Дик левой рукой убрал кувшин с траектории движения, а правой сунул в руку поляку кружок колбасы. – Ч-ч... эт?!.

– Самогон местный. – Сержант поморщился. – Дрянь. Но горит. Андрей у нас эксперт.

– Андрэ, – подал голос до сих пор молчавший смуглый, – спой. О них. – И он мотнул головой в сторону портретов, а сам уставился в стол.

Гитарист кивнул. Ударил по струнам не в лад, поморщился. Подобрал лады и...

...В лагере Джек часто слышал песни, которые пели сержанты-ветераны. Не имевшие автора, иногда не очень складные, они рассказывали о боях, дружбе, врагах, военном быте и многом другом, о чем еще полгода назад Джек знал только в очень романтизированном варианте...

Слышатся в песне отзвуки стали,
Вскинуты руки в римском салюте...

Чтоб ваши дети не голодали,
Чтоб ваши деды жили в уюте!..¹⁴

...Двое смотрели со снимков. Светловолосый парень постарше Джека, решительный и энергичный даже на фото. И –

¹⁴ Стихи Фенрира.

темноволосый мальчишка, улыбающийся во весь рот. Кнут и Радко.

«Они отрезали голову Радко», – вспомнил Джек слова гитариста. Посмотрел на снимок улыбающегося мальчишка и невольно передернул плечами от внезапного нервного озноба. Отрезали... Почему-то слово «отрезали» казалось страшнее слова «отрубили», например. Жутко было представлять себе сказанное. И жуть усиливалась при виде снимка, на котором был живой мальчишка.

– Страшно?

Вопрос Дика застал Джека врасплох, и он уже хотел со всем возможным гонором бросить: «Да ну еще!» – как этого требовали правила хорошего тона... но вместо этого честно сказал:

– Страшно. Это Радко и Кнут?

– Они... Кнута срезал снайпер. Там... в холмах. А Радко подстрелили в головном дозоре. Пока мы подбежали...

– Значит, ему уже мертвому это... голову?

В словах Джека прозвучало такое откровенное облегчение, что Дик грустно улыбнулся:

– Мертвому. Радко через два месяца должно было исполниться шестнадцать, он документы подделал, когда сбежал из дому... Только они и живым головы отрезают. Привяжут крестом к кольям и – пилкой. – Он провел рукой по воздуху. – На себе не показывают такое... Так что сразу запомни: в плен сдаваться нельзя. Лучше самому... Я пару раз видел

наших пленных... потом. И один раз слышал. Хорошо было слышно... – лицо Дика вздрогнуло. – Вас на охоту водили?

– Да, – кивнул Джек. Их в самом деле водили на охоту, заставляли убивать, потрошить, разделявать мутантов – крыс в основном. Под Лондоном, например, этого добра было все еще полно... Тех, кто не мог себя переломить, отчисляли молниеносно и молча.

– Вот и запомни: против нас звери. Только двуногие... Ладно, хватит об этом, еще сам насмотришься. Давай лучше я тебе наших по-тихому представлю... Сержант – наш командир Иоганн Херст, он из швейцарских гор, воюет уже давно. Девчонка, которая трезвая, – Елена Золотова, русская, казачка. Она капрал, заместитель командира отделения...

– Она?!

– Что, удивился? Правильно. Странно, но факт, так что зря этот поляк на нее так наезжал... Смуглый, который почти все время молчит, – мой помощник, Жозеф Вилье с Бельгийских островов. Они с Кнутом очень дружили... Та, которая раскисла совсем, – наш снайпер, литовка, Анна Гедрайте, девчонка Кнута. Этот кудрявый – Ласло Феркеши, венгр...

– А почему ты его назвал этнографическим недоразумением?

– Да потому, что венгры и до войны были этнографическим недоразумением, у них ни единого родственного наро-

да в Европе... Ну вот, он пулеметчик «печенег»¹⁵. Тебе с ним ходить и таскать сменный ствол и запаску.

Джек внимательно посмотрел на венгра. Мнение о нем у англичанина сложилось нейтральное. Обычный парень...

– Тот, с кем ты поцапался, Эрих Зильбер, он немец и плохо собой управляет, когда выпьет. Пулеметчик. И гитарист тоже пулеметчик, Андрей Устинов, он русский. Второй стрелок отделения, после Анны.

– А ты?

– Дик Мастерс из Новой Зеландии. Большой человек – гранатометчик. Глухарь.

– А, во-о-от ты откуда! – Джек улыбнулся. – А я-то про акцент думал... Ты рядовой?

– Капрал, – ответил Дик. – Я, Анна, Елена – капралы, Ласло, Эрих, Андрей – лансы. Рядовой только Жозеф... ну и вы теперь¹⁶.

– А ты давно воюешь?

– Почти год... Был в отпуске, это святое... Странно сейчас дома. – Дик коротким движением воткнул нож в доску стола. – Ты знаешь, наверное, нас тогда Австралия при-

¹⁵ Русский пулемет на основе ПКМ, разработанный еще до Третьей мировой. Калибр – 7,62×54 мм (безфланцевый патрон разработки Серых Войн). Вес 8,2 кг. Общая длина – 1145 мм. Боевая скорострельность – 700–800 в/м. Прицельная дальность – 1500 м. Питание ленточное, лентами по 50 патронов.

¹⁶ В конфедеративных Ротах предельно упрощенная система званий, основанная на англосаксонской. Солдаты: рядовой, ланс-капрал, капрал, сержант. Офицеры: лейтенант, капитан, майор, полковник.

крыла, даже снега почти не было, и морозы так себе. Считай, дешево отделались... Приезжаешь, как с иной планеты! Все так... и не так. Я сам с фермы, Лайонхерт называется, мы сыр делаем – «Фэндэйл», знаменитый, может, ты ел даже... может, даже наш... Вот ходишь по городу – будто нигде никакой войны... и люди о чем-то странном говорят... Потом проходит, конечно, а сперва... – Он покрутил головой. – Иоганн – военный потомственный, Елена в станице работала, Жозеф – городская шпана, прямо скажем. Анна – спортсменка, биатлонистка, Ласло – прямо из школы, Эрих – боевик, Эндрю – тоже боевик, я вон – фермер... а думать тут начали одинаково... – Дик усмехнулся каким-то своим мыслям и вдруг спросил: – А ты кто?

– Ну... – Джек замялся. – Я тоже школьник. Из Донкастера. И... и все.

– Пока... Как думаешь, долго еще бандосов гонять будем?

– Наверное, недолго... – неуверенно отозвался Джек. –

Ну, если в газетах...

– Пить-то не будешь? – Дик кивнул на стакан, стоявший перед англичанином.

Джек посмотрел на Густава. Поляк больше не пил, но стакан «коньяка три косточки» на него подействовал оглушающе. Он сидел с блаженной улыбкой и ощущал себя, кажется, на вершине блаженства.

– Беда с этими восточниками, – тихо сказал Дик. – Воюют хорошо. Но зашибают... – Он прикрыл глаза и покачал

головой. – А по-моему, кончать с этим надо. Со спиртным. Вообще кончать.

– А ты что, не пьешь? Разве ром не выдают?

– Так это к кофе. Утром увидишь... Его почти все пьют... Так, значит, пить не будешь? Тогда ты лучше койку займи. Вон та свободна... и вон та. Завтра утром может времени не оказаться.

– А что?

– Да-а... Слухи ходят, что в холмы опять пойдем.

– Сразу? – вырвалось у Джека.

Дик мягко улыбнулся:

– А как же? Учебы тут не будет. Тут – война... Ну, хочешь – сиди, ешь, а хочешь – раскладывайся, хочешь – вообще спать ложись, тут просто.

С этим, судя по всему, тут и правда было просто. Не как в учебке, где Джек начисто отвык от мысли, что можно ложиться и вставать не по свистку и горну. И, поразмыслив, Джек решил-таки устроиться на своем новом месте. Фактически вот он – его дом. Эта мысль показалась чудной – блиндаж ничуть не напоминал его комнату.

Личных вещей у Джека практически не было. С девушкой он расплевался еще до того, как записался в Роты, так что особых напоминаний об Англии не осталось. Поразмыслив, он выбрал верхнюю койку: на втором ярусе он никогда не спал, и это показалось интересным.

Распихав на места вещи, оружие, снаряжение, англичанин

сташил сапоги, разделся и запрыгнул наверх. Обратил внимание, что напротив укладывается на нижнюю та русская. Хелен, Елена? Кажется, так. Складывая куртку, она дружелюбно кивнула англичанину.

От белья и одеяла пахло стерильностью. Уже привычный запах, прочно ассоциирующийся с армией. Удобней устроившись щекой на подушке, Джек закрыл глаза и глубоко вздохнул, как бы примиряясь с тем, что теперь он часть этого всего, что вокруг.

Навалилась усталость – мягкая, плотная, словно вобравшая в себя весь длинный, полный впечатлений день. И уже сквозь наплывающий почти зримыми волнами сон он еще услышал, как за столом запели новую песню:

Тяжелым басом ревет фугас,
Растаял фонтан огня...
А Боб Кеннеди пустился в пляс:
«Какое мне дело
до всех до вас,
А вам – до меня?!»

3

Пробуждение совершенно не напоминало пробуждение в учебном лагере. Никто не орал: «Р-рота-а... па-адьем!» – никто не гремел, не грохотал, не метался, натываясь на лю-

дей и оттаптывая ноги. Ну, во-первых, день начался с того, что кто-то настойчиво потряс Джека за плечо и он услышал негромкий голос:

– Англичанин. Джек. Поднимайся, поднимайся.

Он ошалело соскочил вниз, отбив пятки и едва не свалив будившего – это был Дик, уже одетый в форму. Обувавший внизу сапоги и одновременно пивший пиво из банки Эрих отшатнулся и весело, ничуть не похоже на себя вчерашнего, сказал:

– Вот так и гибнут в мирной обстановке. Прыгнет такой на шею – и кранты.

– Ты не болтай, а допивай, – приказал Иоганн, сидевший на столе. Он проверял дробовик – полуавтоматическую «сай-гу» десятого калибра¹⁷ с двадцатизарядным могучим барабаном. – Гоните девчонок из умывалки!

Вход в умывалку оказался в том же самом коридорчике. Там было два рожка и полочка, а вода стекала куда-то вниз. Джек страшно спешил, и Ласло, оказавшийся рядом, сказал:

– Не гони, что ты? Еще есть время.

Обнаружилось, что у него еще один ожог в четверть спины, а третий – снаружи на правом бедре. Джек не мог заставить себя сразу отвести взгляд от этих пятен, и Ласло спокойно пояснил:

– Фосфор. Попал под разрыв... Так ты у меня вторым номером?

¹⁷ 19,5 мм.

– Наверное, – неуверенно сказал Джек. – Мы что, все-таки идем?

– Идем, весь наш взвод идет...

– ...Магазины не снаряжены? – спросила русская новичков, ловко закрепляя на разгрузочном жилете открытую кобуру с пистолетом – 14-зарядным «браунингом хай пауэр» калибра 10 миллиметров. – Берите в ящике под столом, это дежурные... Жозеф, возьми упаковку к «двушке»¹⁸.

Полное снаряжение Джек носил много раз. А уж оружие освоил – в том числе и это, русское, – еще до школы, что было в целом совершенно обычно для детей его времени даже в уже относительно «окультуренных» местностях. Но он все-таки очень удивился, увидев хорошо знакомый длиннолезвийный тесак – русский «бобр». Он-то считал эту штуку просто причудой командования лагеря для утяжеления снаряжения. Мало верилось, что сейчас пехотинцы ходят в рукопашную – не двадцать лет назад, в конце-то концов...

– Что смотришь, бери, – кивнул Дик, застегивая ремень. – Им можно дров нарубить, копать, тесать...

– ...и драться, – с недоверчивой улыбкой сказал Джек. – У нас что, городская война кланов?

– К сожалению, придется им и драться, – не принял шутки

¹⁸ Жаргонное название «РОП-2» – ручного оружия поддержки, фактически – гранатомета 105-мм, способного вести огонь калиберными и боеприпасами самого разного снаряжения: от кумулятивного противотанкового до термобарического. Вес без гранаты – 5,2 кг, длина без гранаты – 129 см, фактическая дальность стрельбы – 600 м.

Дик. – Иоганн, паек берем?

– На неделю, – коротко ответил сержант, закидывая дробовик за спину. – Капрал Золотова, раздать паек.

Коробки из серого прессованного картона были хорошо знакомы Джеку. Закрепив на рюкзаке сменный ствол к «печенегу» и перекинув на бедро запасную патронную коробку, англичанин поднялся на ноги, с удовлетворением ощутив, что нигде не тянет.

– Новогодние елочки, – буркнул Дик. – Лоун стар будет?

– А как же... Становись! – выпалил Иоганн.

Ласло быстро указал место справа от себя, рядом с Эриком, придерживавшим на бедре свой РПД¹⁹. Отделение подравнялось. Иоганн скользнул взглядом по лицам и кивнул:

– Так. Прыгнули.

Этот трюк новички знали, и ни единая деталь не брякнула, когда они сделали несколько прыжков на месте. Джек посмотрел вправо-влево, как всегда, не узнавая вроде бы знакомых людей в полном снаряжении. Роты снаряжались «с миру по нитке» обеими Империями, которые давали для них все самое лучшее – от человеческого материала до сапог особого образца. И солдат в полном снаряжении напоминал скорее боевую машину из фантастической книжки. Совсем недав-

¹⁹ Ручной пулемет Дегтярева. Легкий пулемет калибра 7,62×39. Его производство было возобновлено в середине Серых Войн с незначительными модификациями: укрепленная фанерой легкая брезентовая патронная сумка вместо металлического барабана с лентой, рукоятка для переноски сверху, дульный тормоз-компенсатор, ортопедический приклад.

но по экранам Земли «с шумом и громом» прошел фильм «Оруженосцы Справедливости», Джек его смотрел и, как и почти все его ровесники, попал под впечатление ленты сразу...

Война шла. И никто не знал, что войне не суждено будет кончиться, что она войдет в плоть и кровь этих ребят и никогда уже не оставит их в покое. А само слово «покой» превратится в проклятье, ругательство...

– ...Отделение – смирно! Равнение – на середину! – резко рубил Иоганн. И, вскинув ладонь к каске, сделал шаг навстречу спускавшемуся в блиндаж офицеру в полевой форме.

Так Джек увидел впервые командира пятого штурмового взвода лейтенанта Фишера. И окаменел.

Наверное, лейтенант был молод. Даже скорее всего – молод, офицеры Рот чаще всего немногим старше солдат. Но сейчас невозможно было сказать точно, сколько ему лет. На фиолетово-буrom лице, состоящем словно бы из узлов, видны три щели – серые глаза и безгубый рот, словно прорезанный лезвием.

Вскинув руку, Фишер сказал ровным, поставленным навсегда командирским голосом:

– Слава Солнцу... Вольно.

– Отделение – вольно! – Поворачиваясь, Иоганн бросил руку вниз, пошел за спиной лейтенанта, медленно шагавшего вдоль строя.

Перед Густавом Фишер остановился. Не поворачиваясь, спросил:

– Почему не по форме, сержант?

– Это новичок, товарищ лейтенант. Прибыл вместе с еще одним вчера вечером.

– Ясно. Прошу прощения, солдат. – Лейтенант сунул руку в нарукавный карман, достал что-то. – Представьтесь.

– Рядовой – гранатометчик Густав Дембовский, Русская Империя!

– Ну что же, Густав. Это, – он взялся за рукав с эмблемой, – славная эмблема наших войск, и носить ее – большая честь. Но есть еще и эмблема роты «Волгоград». Носи ее, помня о тех, кто погиб, не уронив славы роты.

Поляк оказался неожиданно сентиментальным. Обеими руками он поднес вещь, поданную лейтенантом, к губам.

– Клянусь.

Фишер пошел дальше. На миг замер перед Ласло, вроде бы сощурил глаза, они малость потеплели... Потом шагнул – и застыл перед Джеком, рассматривая его в упор. Жутковато, если честно, было смотреть на это почти нечеловеческое лицо. Джек подсознательно ждал запаха паленого мяса.

– Тоже новичок?

– Рядовой – второй номер «печенег» Джек Брейди, Англосаксонская Империя!

– М-м-м? Я тоже англосакс... Бери нашу эмблему, земляк. И носи с честью.

На руке лейтенанта – на безымянном пальце – Джек увидел тяжелый стальной перстень, рунированный лигатурой «сигел-этэль»²⁰. Фишер был хускерлом «Фирда» и, значит, совершенно точно – дворянином! А то, что он протягивал, оказалось треугольным черным шевроном с золотой фигурой – женщина рвалась вперед, воздевая над головой длинный прямой меч.

– Пришьешь на первом же привале, – тихо шепнул Ласло. Фишер, между тем, закончив обход, кивнул швейцарцу:

– Командуйте, сержант, – и вышел из блиндажа.

– Построение снаружи – разойдись! – выкрикнул Иоганн, делая отмашку рукой к двери...

...Сейчас, днем, Джек мог оценить позиции. Плотность обороны десятой была невелика – два взвода на километр, но это вполне искупалось технической насыщенностью обороны, усиленной минными полями. Слева и справа от бетонированных траншей с ячейками для тяжелого оружия и дотами лежала санированная зона, выбитая до гладкости того же бетона и перерезанная ходами сообщения – от жилых блиндажей и складов к обороне. На плацу под алым флагом Рот стояло уже первое отделение. Настроение, кажется, у них было неплохое – Джек уловил «хвост» разговора:

– «...Открывай, говорить будем!» – «А вас там сколько?» – «Трое...» – «Вот и болтайте, вам что, троих мало?» – И хохот в десять глоток.

²⁰ «Солнце – наследие предков!»

– Второе зенки протерло! – раздался боевой клич. Все разом повернулись к подходившим:

– Свинство это, ребята, водку жрать по-крысячьи...

– У них в рюкзаках пиво есть, это точно...

– Угу, а лагерем встанут отдельно, чтобы не делиться...

– Смотрите, смотрите, братцы, по-пол-не-ни-е!

– Ага, это они ночью атаку красных отбивали...

– А я слышал – просто фонариком светили, толчок искали...

– Кто бы это говорил! – спокойно, но с каким-то коварством ответил русский-гитарист. – Вовка, ты что, позабыл, как месяц назад всю ночь оборону в сортире держал? Бандосы когда вокруг ползали? Маленькие такие, серенькие... Ящерицы называются. А ты, Штефко? Кто мне сапоги облевал, когда дерьмо за кишки принял, не подумал, что они из разных мест вообще-то вываливаются?!

Хохот стал всеобщим. Под его прикрытием к строю присоединились 3-е ударное отделение и отделение огневой поддержки, на которые тут же тем не менее посыпались не всегда безобидные подначки. Джек старался запомнить товарищей по взводу, но новые лица путались, смешивались... Ничего, со временем впечатаются в память не хуже штампов на бланках... Переступив с ноги на ногу, англичанин спросил у Ласло:

– А где лейтенант так обгорел?

– Фосфор, – коротко ответил венгр.

А Эрих справа тихо добавил:

– Ласло его из-под разрыва и вытащил.

Венгр поморщился:

– Да ладно... Вечно ты, Эрих...

– Баф стик!²¹ – резкий, почти злой выкрик заставил всех вздрогнуть. Лейтенант, широко шагая, приблизился к строю. На плече его качалась крупнокалиберная – 7-го охотничьего²² – «сайга» с плоским магазином.

Темноволосый сержант из первого отделения четко командовал:

– Взвод – смирно! – отчеканив шаги навстречу командиру, отдал честь: – Товарищ лейтенант...

– Вольно.

– Взвод – вольно! – повернувшись, командовал сержант.

– В строй.

– Есть! – Сержант вернулся на место.

– Задача обычная, – лейтенант начал без предисловия, встал перед строем, передвинул «сайгу» на грудь и скрестил на ней руки в перчатках без пальцев и панцирных брассардах²³. – Недельное патрулирование. Глубина – двадцать километров. Командирам отделений – последняя проверка го-

²¹ Дежурный (англ. армейский жаргон).

²² 23 мм.

²³ Защита руки – от запястья до локтя. Название средневековое, но возродившееся в это время. Сама же защита подобного типа уже сейчас используется во многих армиях.

товности. – Словно бы потеряв интерес к происходящему, он вынул из РЖ²⁴ «уоки-токи»²⁵ и с кем-то связался.

– Третье ударное готово! – почти сразу крикнул огненно-рыжий крепыш, пробежав вдоль строя.

– У него всегда все готово, – буркнул Эрих.

Анна поддержала немца:

– Он своих погубит, этим кончится... Эй, ты снаряжение проверяешь или меня зажимаешь?

– Пытаюсь заставить тебя заткнуться, – тихо сказал Иоганн. – Не новичок, так чего каркаешь?

– Каркай не каркай...

– Первое отделение готово! – доложил темноволосый. Джек внутренне напрягся, но Иоганн совершенно невозмутимо, ничуть не увеличив темп, продолжал проверку. Фишер сам занялся «огневиками».

– Второе ударное готово! – отрапортовал Иоганн. И подмигнул своим. Фишер кивнул. Очевидно было, что вся эта процедура лишь проформа...

– По машинам! – выкрикнул лейтенант. Команда удивила, но, повернувшись, Джек увидел четыре «эlefанта»²⁶, подо-

²⁴ Разгрузочный жилет.

²⁵ Портативный прием-передатчик. В годы Безвременья «обрушились» системы интернет-связи, и произошло возвращение к средствам 80-х годов XX века.

²⁶ Тяжелая боевая машина пехоты. Производилась в Русской Империи почти с самого начала Серых Войн и практически до их конца на базе мобилизационного запаса еще СССР. Представляла собой переделанный танк «Т-54». Экипаж – два человека, десант – восемь человек. Собственное вооружение: 100-мм полуавто-

шедшие к блиндажам. – На броню!

– По машинам! На броню!

– По машинам! На броню!

– По машинам! На броню!

Дело было знакомым до мелочей. Сколько раз он вот так репетировал посадку-высадку на самом разном – от такой редкости-экзотики, как самолет, до легких джипов! Иоганн оседлал пушки. Елена и Анна устроились по обе стороны башни, подняв стволы к небу. Эрих и Андрей, повернув пулеметы влево-вправо, уселись на корме, остальные расположились по бортам.

– Мазл!²⁷ – гаркнул Фишер с головной.

БМП, рывкая, качнулись синхронно на гусеницах, выбрасывая призрачные, быстро рассеивающиеся облака газа, пошли за головной с установленным интервалом.

Беспричинно хорошее настроение охватило Джека. Денек был хороший, не холодный, безветренный, нет-нет да и проглядывало в сплошном сизом пологе стремительно бегущих туч солнце – в вышине ветер не прекращался. На холмах зеленело – подсознательно привычная человеку зелень почти вытеснила вымороченную, противную рыжину мутировавших растений. Кругом были свои, и, кажется, у него уже появился по крайней мере один друг. Джек посмотрел в спину

матическая пушка, 30-мм автоматическая пушка, две пусковые установки универсальных ракет, 2×12-ствольных блока активной защиты. Бойницы для восьми единиц стрелкового оружия десанта.

²⁷ Выдвигаться! (англ. армейский жаргон)

Дика, сидевшего впереди с «двушкой» на коленях, и новозеландец обернулся. Дружелюбно кивнул и улыбнулся, словно хотел спросить: «Что?» Джек улыбнулся в ответ и сказал:

– Вот мы едем... А снайперы? Те, что ночью?

– Днем они дальше в холмы уползают, – пояснил Дик. –

Они не такие дураки, чтобы днем тут оставаться. У них есть мотоциклы, на каждом – водитель, пулеметчик и снайпер...

А ночью возвращаются.

– А наши снайперы? Они тоже в холмы ползают?

– Больше лежат.

– А как же?... – Джек указал на спину Анны.

– Она отделенный снайпер. А те – ротного подчинения,

классом повыше.

– Лучше стреляют?

– Да нет, не в этом дело. Маскируются лучше, передвигаются... Их специально учат.

– Мы что же, будем за снайперами гоняться?

– Там всякого дерьма хватает... Смотри, пехотинцы из «Херлатинга»!

Навстречу шла колонна конфедеративных стрелков – так же обмундированных, только в беретах вместо шлем-касок и с тульскими «АКМ», а не с «АК-103». Весьма оскорбительные выкрики и жесты так и посыпались с обеих сторон:

– А-а, пехота драпает с фронта!

– По бабам – шагом марш!

– Мотопехота – потому что шагать неохота!

– Опять зайцев стрелять поперлись!

– Гусеницы не спустили?!

– Гусеницы мы подкачаем, а вот у вас каблуки попускают – тогда как?!

Ну и всякое такое... Могло показаться, что пехотинцы и штурмовики готовы перервать друг другу глотки. На деле это были всего лишь шутки, пусть и не всегда безобидные.

– А чего мы молча-то?! – крикнул вдруг Иоганн, когда машины разминулись с колонной пехоты. – Андрей, ты голос потерял?! Найди!

– Ему комар в рот спикировал! – бросил Эрих. – Вот интересно: столько полезного передохло, а комары все пережили...

– Спой, только что-нибудь... – Жозеф повертел в воздухе ладонью.

Джек приготовился услышать что-нибудь вроде вчерашнего, но, к его удивлению, песня была совсем другой.

Так он понял, что здесь забывают о погибших, помянув их. И больше не вспоминают. Это коробило...

Лишь позднее он поймет: так делают, чтобы не разорвалось сердце...

Растет камыш среди реки —

Он зелен, прям и тонок.

Я в жизни лучшие деньки

...Когда, со значением посматривая на краснеющих девушек, все хором закончили песню, Ласло выкрикнул:

– Эй, мы еще успеем спеть «Наши Боги»! Давай, Андрей!

– Послушай, – с непонятной улыбкой сказал Дик. – Ты ее скоро выучишь. На нескольких языках. И не только выучишь...

Он не договорил что-то – что-то очень важное.

Русский устроился удобнее, потом решительно перебрался на нос и встал там в рост, ловко держа равновесие и играя на гитаре. Так его было слышнее, и БМП перла вперед, словно украшенный странной носовой фигурой корабль, а Андрей пел – зло, ясно и громко:

Наши боги не распяты на кресте —
В их десницах сжаты молот и копье!
Мы идем по воскресающей Земле,
И девиз наш это – «Каждому свое»!
Не к лицу нам перед богом падать ниц,
Пустобрех для нас – религий проповедник,
Меч войны поет под крик зловещих птиц —
Между богом и людьми он наш посредник!
Мы несем на копьях ненависть и страх,
Мы забыли белый свет из Брейдаблика,
Блеском стали освещающая путь во мрак,

²⁸ Стихи Роберта Бернса.

Мы идем – дружина страшного блицкрига!..

В колонне тут и там подхватили – так же зло и в то же время весело:

Блеском стали освещая путь во мрак,
Мы идем – дружина страшного блицкрига!..

...Джек не сводил глаз с поющего Андрея. И чувствовал только одно: как напряглось все тело – в каком-то темном, страшном порыве. И вздрогнул, когда Дик вдруг громко сказал:

– Смотри! Вот они – холмы Крэйн!

4

Так Джек впервые увидел Крэйн. Десять тысяч квадратных километров холмов, названных в честь вождя переселенцев-англосаксов, прибывшего сюда, еще когда банды считали себя тут полновластными хозяевами.

Холмы шли гряда за грядой, одинаковые, как спины каких-то животных, безлесье, покатые. Кое-где белесо тускнели выходы камня. Примерно с середины холмов в низины спускались молодые рощицы, кое-где петляли речушки.

Холмы были красивы. Может быть, родившимся полвека назад они показались бы бедными и скучными, но Джек,

не избалованный красотами природы, первым воспоминанием детства которого были заснеженные набережные, только-только начавшие расчищаться развалины и мертвые черные деревья, был восхищен. И вдруг – как варварский мазок кандинщины посреди великого полотна Мастера! – черные, выгоревшие коробки. Три... десять... пятнадцать... Джек сбился со счета. Вертолет, винтами вниз висящий на скалах. Еще один – лежащий в траншее, пропаханной своим собственным весом и скоростью при падении. Третий – переломленный пополам, как моделька, которые любит делать младший братишка Джека.

Не верилось, что тут могли быть бои. И все-таки они здесь были. Горелое железо говорило об этом красноречивее любых слов.

Фишер соскочил с головной машины, покачался на носках, осмотрелся. Джек напрягся, ожидая команды, но лейтенант, повернувшись корпусом, махнул рукой:

– Хватит броню греть. Слезайте.

– Ничего себе, – удивленно сказал Густав, спрыгивая.

Джек передвинул автомат под руку и огляделся. До первых холмов было метров пятьдесят, не больше, и позади ревели, удаляясь, движки БМП. В холмах им нечего делать.

Сорок человек остались на нейтральной полосе.

– Первое отделение – налево, второе – направо, расстояние обычное, – распорядился Фишер. Иоганн сказал:

– Товарищ лейтенант, у меня двое новичков...

– Выполняйте, Херст.

– Да, товарищ лейтенант. За мной, быстро. – Швейцарец добавил что-то по-своему и подбросил «сайгу» стволom на плечо.

Медленно приближаясь к холмам – наискось, – они прошли метров семьсот, не меньше. Иоганн остановился и буркнул:

– Может, он и прав. Учиться-то надо... Так. Джек, отдай ствол и цинк Ласло, пойдешь справа... слева с Андреем. Жозеф, отдай упаковку Дику, пойдешь справа с Эрихом. Хелен, вперед с Ласло. Темп ходьбы обычный. Разбежались. Чтоб нам провалиться.

– Чтоб нам провалиться.

– Чтоб провалиться.

– Чтоб провалиться.

– Пошли, Джек. – Русский указал стволom взятого наперевес пулемета на склон холма и зашагал первым.

– А зачем ствол отдавать? Я привык, не тяжело, – сказал Джек, догнав русского.

Тот ответил, не поворачиваясь:

– Если тебя убьют, то до ствола и цинка еще поди доберись. Кстати, он и слева тебя пустил потому, что с этой стороны наши за холмами идут. Ты не обижайся. – Он обернулся, и Джек пожал плечами: мол, за что? – А вот я страшно обижался, когда он меня вот так же ставил... Вот здесь и пойдём.

Джек посмотрел вверх. До гребня холма оставалось еще метра три некрутого подъема.

– А туда не поднимемся? С гребня видней...

– Видней, – кивнул Андрей. – Если бы то просто холмы... ну, как сопки у нас – так и пошли бы. А тут смотри – между сопками молодой лес.

– Ну и что? – не понял Джек.

– Ну и соображай. – Андрей приостановился, не опуская пулемета. – Допер?

– Допер, – кивнул Джек. – Снизу, из рощ, нас на гребне будет видно, как терьера на снегу. А мы в рощах никого не увидим. А нас ведь за этим и послали...

– Подсекаешь. По-шли... А самое главное, Джек, запомни: в таких холмах не верят ушам. Если стреляют за спиной, значит, могут стрелять где угодно. Хоть под ногами.

С этого момента он умолк. Шагал впереди, метрах в десяти, и его спина – кстати, не такая уж широкая – была совершенно неподвижной. Он смотрел вниз, в распадок, где кипела неожиданно яркая в тусклом окружающем мире зелень переходящих одна в другую рощ.

Шли долго, не меньше часа, в полной тишине. Внизу, чуть позади, иногда взлетали птицы – там двигался головной дозор и основная часть отряда. Да и на противоположном холме, в сотне метров справа, иногда различалось движение – Эрик и Жозеф. Они двигались небыстро, равномерно, и на фоне склона холма были практически незаметны.

– Поглядывай на тот гребень, – бросил вдруг Андрей. Хотел еще что-то сказать и вдруг упал на колени. – Оппа! Прикрой.

Джек уже понял: сейчас его единственная задача – от и до выполнять все, что скажут. Упав на левое колено, он нацелил автомат на рощу внизу.

– Хорошо ходят, – сказал Андрей. – Иди посмотри. Стоянка. Как подошли – пес его... А вот как свалили – смотри. – И, отойдя чуть в сторону, достал «уоки-токи».

След мотоцикла на траве прочитывался легко. И направление его Джек мог определить. Ну и...

– Ну и что? – спросил он. – Это мотоцикл снайпера ждал?

– М... угу. – Андрей вертел в пальцах веточку.

– А нам-то что? – добивался Джек. – Умотали они, и...

– Выхлопным пахнет. Принюхайся.

Джек добросовестно понюхал:

– Н-не...

– Пахнет, пахнет. Все другие запахи этот забил... А вот веточка, которую махди грыз. Пахнет от нее гнилыми зубами. И влажная. От слюны. Полчаса назад они тут были... Палочку эту, – он подкинул веточку и бросил ее в сторону, – грыз махди лет двадцати пяти, безалаберный, но с хорошей реакцией. Ниже меня на голову.

Джек, слушавший все эти разглагольствования как откровение, грустно сказал:

– Так я никогда не смогу.

– Не сможешь, – неожиданно сказал Андрей. – Этому надо с детства... даже не учиться, просто жить среди этого. Я ведь родился знаешь где? На Дальнем Востоке. Знаешь, как наша деревня называется? Занадыровка. А стоит на сопке Амба над речушкой Каюк. Не шучу, честно! – Он засмеялся, но Джек не понял, в чем юмор. – Отец меня на охоту с шести лет брал... Дик – тот тоже умеет, но похуже меня. И все-таки многому можно научиться. И научишься. А пока пошли-ка дальше. Впереди бой.

– Бой? – Джек нахмурился.

– А как же... Днем они долго не ездят, боятся наших вертушек. Значит, заныкались неподалеку. А неподалеку – Файран. Деревушка такая... если это можно назвать деревушкой... Вот там они и есть. – Он сделал шаг и весело сказал: – Так и воюем. Теперь главное – не напороться.

Они зашагали дальше. Но теперь Джек шел, словно на пружинах. О том, что впереди бой, было сказано так буднично, так спокойно... И ничего не изменилось кругом. А что должно было измениться? Природе-то на людей наплевать, особенно после того, они с нею сотворили в последние полвека. Люди могут резать и стрелять и друг друга, и кого угодно посреди вот таких холмов, в рощице, на берегу ручейка – и их крики, их боль, их кровь так и останутся их. Предельно чужими и холмам, и рощице, и ручейку...

– А остальные? – не выдержал Джек, поневоле рыская стволом по зелени внизу. – Остальные отделения?

– Файран на нашем пути, чуть вправо. Мы там и одни справимся. Махди там не больше полусотни.

Еще один урок. Соотношение 5:1 не в нашу пользу тут считается самое то для победы сил добра.

Джек поймал себя на том, что считает шаги. Это было глупо, он просто хотел чем-то занять мозг. «Тридцать шесть... тридцать семь... первая деревня в здешних местах, которую я увижу... сорок два... или сорок три?... пусть сорок два... сорок семь... каким будет бой? Как я себя покажу? А Густав? А если меня убьют?... Сорок девять... пятьдесят... Было много тех, кого убивали в первом бою...»

Усилием воли он заставил себя смотреть по сторонам. И увидел взлетевшую над рощей в паре сотен метров впереди стайку птиц.

– Эндрю. Птицы.

– Вижу, молодец. – Русский остановился. – Там кто-то тоже идет. Если человек стоит неподвижно, то птицы не беспокоятся так... Охотники или...

– Или? – Джек помимо воли облизнул губы, нервно поправил ремни шлема.

– ...Или махди. Что все равно. Тут все – враги. Скверно... Ага!

«Ага» относилось к Эриху, который сигналил – вытянул руку с двумя разведенными пальцами, указывающими вперед и вниз. Потом махнул вперед, и Андрей заметно расслабился.

– Пошли.

– А эти? – Джек мотнул головой вниз.

– Их уже нет. Это был сигнал Анне. Теперь – все. Тихо.

Чуть вниз.

Андрей двигался абсолютно бесшумно, и Джек старался ему подражать. Вроде бы получалось...

«Да когда же этот Файран?! Сколько можно так идти?! А мне страшно. Мне просто страшно, вот что все это такое... Раз мне страшно, значит, я трус? Страшно ли Андрею? Знает ли он, что мне страшно, что я трус?»

– Джек, – еле слышно, не останавливаясь и не поворачиваясь, сказал Андрей, – держись спокойно. За нами из кустов секут. Справа, двойная развилка, шиповник.

– Никого не вижу, – скосив глаза, ответил англичанин.

– Я тоже. Чую. Остановись и поправляй снарягу. Сосчитаешь до десяти – рви на кусты, он без оружия.

Удержав вопрос, Джек кивнул и, остановившись, сказал довольно громко:

– Иди, я догоню, – и начал возиться с клапанами подсумков на груди.

– Поскорей. – Андрей зашагал дальше, вода по сторонам стволом пулемета. Джек продолжал вертеть подсумки. И считал.

Неужели там правда кто-то есть?

А если не один?

Или один, но с оружием, и он, Джек, побежит прямо на

выстрел?

Девять.

Десять.

Прыгнув в сторону и вперед, Джек метнулся к кустам, перехватив автомат для стрельбы. Он услышал, как захрустели кусты – кто-то бросился прочь. Джек прыгнул вперед, подбравшись в прыжке, прошиб кусты телом, приземлился с перекатом и увидел удаляющуюся спину в сине-зеленом дражном халате, под которым отчетливо ходили лопатки.

Чувство, охватившее Джека при виде этой спины, трудно передать. Поднимая автомат, он поймал на мушку эту бегущую спину и уже знал, что очередь в три патрона, тренированно отсеченная на «двадцать два»²⁹, раздробит позвоночник. Как на манекене-мишени...

Андрей появился перед бегущим так, словно вырос из-под земли. И встал, улыбаясь.

Человек в халате едва не врезался в него... но затормозил. Попятился, метнулся назад. И замер, увидев целящегося Джека.

Англичанин опустил автомат. Весь азарт пропал начисто. Это был мальчишка лет десяти-одиннадцати, чернокожий, замурзанный, с каким-то комом грязи вместо волос, в штанах, видневшихся из-под халата и не доходивших до щико-

²⁹ У классических автоматов Калашникова нет функции огня фиксированными очередями. Солдат приучают «отсекать» очереди в три выстрела так: нажать спуск – произнести «двадцать два» – отпустить спуск.

лоток босых ног. Ребята из северных и западных графств Островов, в свое время поразившие Джека полупервобытным видом, по сравнению с этим... существом могли показаться принцами. Глаза черного мальчишки затравленно поблескивали.

– Тьфу ты, – раздосадованно сказал Джек и положил автомат стволом на плечо. Мальчишка метнулся влево. Джек – вправо. Мальчишка – вправо. Джек – влево и топнул ногой. – Ух!

Тот повернулся и сжался, увидев Андрея. Русский поднес к губам указательный палец, потом согнул ладонь приглашающим жестом.

Чернокожий подошел к русскому, и Джеку вдруг почудилось что-то знакомое... Ах да! Так к змее подходят разные там лягушки, как в фильмах на уроках биологии. Видно, что идти не хотят... и не могут не идти. Неужели тут так боятся белых?..

Джек моргнул. Произошло что-то... что-то странное. Чернокожий словно бы обнял Андрея за бедра... потом пополз вниз, запрокидывая голову, словно молящийся с картинки в исторической книжке, и руки соскользнули по ногам Андрея. Тот отступил, чуть толкнул ногой – и мальчишка тихо скорчился у сапог пулеметчика. Неподвижный. Мертвый. Мертвый?!

Андрей спокойно вытирал о правое бедро нож – не стандартный, а короткий, широкий, с длинной, чуть изогнутой

серо-желтой рукоятью. На зарезанного он не смотрел – ловко вдвинул нож куда-то справа под жилет, и тот исчез.

– Ты... зачем... – Джек ощущал только растерянность, больше ничего. – Эндрю... как это?..

– Погоди. – Русский достал «уоки-токи». – Иоганн, это я... Да. Тут махди прирезал... Да, с теми двумя был... Мелочь пузатая... Чего?! А, ну да... Понял, конец связи... Пошли, Джек. – Он опустил рацию в ее карман.

– Эндрю! – Джек, сжав кулаки, шагнул вперед. Наверное, лицо у него изменилось, потому что Андрей удивленно сказал:

– Ты чего?! Это же махденек!

– Это пацан! – Джек шагнул вперед снова.

– Не надо, – предупреждаясь качнул головой Андрей. – Не сейчас.

Джек бросил взгляд на тело мальчишки, лежащее в траве. Удар был нанесен в печень впереди, под ребра, с поворотом. Джек качнул головой и процедил сквозь зубы:

– Ладно. Потом.

5

Файран Джек почувствовал по... запаху. И с гордостью подумал, что и он может нюхать. Хотя как все-таки Андрей унюхал того мальчишку, Джек понять не мог.

А Андрей снова шел впереди. Но сейчас, глядя ему в спи-

ну, Джек думал лишь о хладнокровно убитом местном пацане. Конечно, на войне убивают и режут, но... при чем тут этот бедняга?!

Внизу, в распадке между холмами и на их склонах, показались дома. Отсюда было еще не очень ясно, какие они, тем более что их закрывали довольно высокие кусты.

Андрей указывал вниз. Бросив туда взгляд, Джек увидел Иоганна: он стоял на опушке рощицы и крутил рукой над головой сигнал сбора.

Тормозя выставленной правой ногой, Джек заспешил за Андреем, тоже спускавшимся боком. Они успели к сержанту первыми, а Иоганн уже несколько раз развел руки в стороны, показывая: развернуться в цепь.

Ласло и Елена встретили остальных на опушке последней перед деревней рощицы. Метрах в двадцати, не больше, начинались первые дома, отделенные друг от друга глинобитными заборами, с плоскими крышами, прижатые к земле. В деревне было почти пусто. Три часа дня – война не война, все добывают хлеб насущный, или как там... Но возле второго дома сидел на скамейке часовой – темнокожий, но не негр, в каком-то дранье, но с автоматом на коленях. Он болтал с девушкой – она стояла рядом с высоким медным кувшином на голове. Второй часовой, моложе, прохаживался неподалеку, бросая на приятеля отчетливо завистливые взгляды.

С дерева мягко соскочил Жозеф. Надевая рюкзак, сказал:

– Во дворе – мотоциклы. Четырнадцать штук. Махди нет, окон во двор тоже.

– Спят, – усмехнулась Елена.

– Так. – Иоганн задумался на секунду. – Мы с Джеком снимаем часовых. Дик, Жозеф, Эрих, проберетесь во двор. Как только их командир выйдет на улицу – это моя забота, – ты, Дик, выстрелишь в дверь. Густав, Андрей, на параллельную улицу. Выстрелит Дик – Густав, стреляй в окно, там должны быть двое. Всех, кто будет выскакивать, убивать на месте. Анна, Ласло, Елена, останетесь здесь, следите за деревней. Заметьте бегущих к нам – кого угодно, – убивайте. Все, пошли. Чтоб нам провалиться.

– Чтоб нам провалиться, – кивнула Елена...

...За сержантом Джек шел, ничего не спрашивая, хотя и не вполне понимал, как они будут снимать часовых, если те стоят на голой улице. А Иоганн вообще повел его на параллельную улицу, чуть впереди Густава и Андрея.

Под окнами проскакивали быстро, пригнувшись. Противоположная стена сияла беспощадной белизной – эти глинобитные заборы выглядели чужими, угрожающими... Низкие двери казались опасными, словно бы внимательно наблюдающими за белыми солдатами.

Скрип одной из дверей заставил Джека резко повернуться в ту сторону. Но Иоганн оказался быстрее: Джек лишь увидел, как наружу, задрвав жидкую седую бороду, вываливается старик – в горле у того торчал нож, изо рта вместо вопля

булькала кровь. Он свалился в пыль и несколько раз дернулся – от головы растеклась, потемнела и свернулась струйка.

– Третий дом. Здесь, – услышал Джек шепот. Иоганн, держа дробовик в правой, вдруг ловко подтянулся и распластался на верхнем краю стены. Джек, вжавшись спиной в белую глину забора, осматривал улицу, но видел только труп... да Густава с Андреем, в напряженных позах застывших по разным сторонам этой улицы через дом от него.

Перед лицом Джека появилась рука сержанта. Пошевелились пальцы, и англичанин, ухватившись за эту руку, приготовился карабкаться... и только теперь оценил, насколько на самом деле силен молодой швейцарец. Левой рукой он запросто затащил шестьдесят килограмм живого веса Джека и сорок – оружия и снаряжения – на стену.

В пыльном дворе было пусто. Росло дерево – старое, чудом пережившее бессолнечные годы. Под ним виднелось какое-то сооружение вроде колодца. Может, это и был колодец. Рядом с колодцем спал... Джек не знал такого зверя, он был похож на большую кошку яркой расцветки.

Иоганн показал рукой вниз и соскользнул во двор, нацелив автомат на дверь в дом. Джек соскочил тоже, прицелился в дверь на улицу.

Зверь поднял голову. Блеснули желтые круглые глаза – злые, внимательные и безжалостные. Как и большинство его соплеменников, Джек любил животных, особенно собак... но этот зверь походил на своих хозяев, он был так же зол и

дик. И сейчас им двигал скорее страх, чем верность людям, – он увидел незнакомцев, испугался и решил их убить.

Одним движением зверь взметнулся – прыгнул вперед, на чужаков.

«Сванг!» – пропела рядом выхваченная сталь. Иоганн метнулся навстречу жуткому прыжку зверя, и Джек увидел, даже не успев удивиться, как левая рука швейцарца в полете поймала животное за шерсть под челюстью, а правая...

...Зверь мягко рухнул в пыль. Швейцарец, нагнувшись, вытер о мгновенно потускневшую шерсть длинный нож с плавно выгнутым клинком, обух которого был зазубрен. А левой рукой показал на стену.

Тень падала во двор – это Джек определил сразу. Но Иоганн все равно не полез вверх с ходу. Он на палец приоткрыл калитку и, указав Джеку на сидевшего на лавке, ткнул себя кулаком в челюсть. Показал на второго часового, мочившегося у другой стены, чиркнул пальцем по шее и ткнул в себя.

Джек кивнул. Иоганн, чуть прищурившись, улыбнулся и, достав из кармашка на РЖ, растянул за рукоятки «пилу Джигли». Теоретически Джек знал, как пользоваться этой штукой по обоим ее назначениям³⁰, не раз держал в руках, но... но впервые кто-то при нем собирался пустить этот ин-

³⁰ Изначально «пила Джигли» – всего лишь хирургический инструмент, стальная струна с пластиковыми ручками и напылением из алмазной крошки. За 10 секунд в умелых руках перепиливает человеческую ногу в бедре. Но часто ее используют для бесшумного убийства часовых.

струмент в ход реально.

Подтянувшись, оба бойца легко перенесли себя на стену. Джек на четвереньках перебрался к первому часовому, все еще болтавшему с девкой. Иоганн, лежа на стене, ждал своего – застегивая штаны, тот как раз шел через улицу, продолжать обход.

Действовать надо было одновременно. «Девчонка», – успел подумать Джек. И увидел, как метнулись руки Иоганна...

Действовать дальше Джеку позволил наработанный в лагере навык. Мозг его был парализован ужасом происходящего – действовали руки.

Часового, пойманного Иоганном, хватило лишь на то, чтобы поднять руки к горлу. Глаза его выкатились из орбит, рот раскрылся, но вместо слов полилась толчками кровь; секундой раньше кровь забила сквозь пальцы. Часовой рухнул наземь, голова его отвалилась вбок. Кровь из раны хлестала фонтаном.

Захватив шею часового ремнем автомата, Джек вздернул его на стену, с омерзением ощущая, как бьется – совершенно не по-человечески – на ремне тело. Махди цеплялся пальцами за ремень и тихо хрипел, темное лицо полиловело. «Хватит, – понял Джек. А потом обожгла другая мысль: – Девчонка!»

Спрыгнув со стены, он подхватил слабо хрипящего бандоса. А девчонка... лежала в нескольких шагах у ног Дика.

Напротив стоял Эрих, зорко оглядывая улицу. Дальше – Жозеф.

– Забыл про нее... – шевельнул губами Джек, стараясь не смотреть на скаутский нож, который вытирал новозеландец – тот самый, которым он вчера резал колбасу. Дик улыбнулся, кивнул, поднес палец к губам.

Иоганн указал рукой на забор и встал к нему спиной, сцепив ладони в замок на уровне пояса. Эрих, Дик и Жозеф ловко последовали во двор – замок, плечо, стена, прыжок...

– Зачем тебе их командир? – прошептал Джек, стоя у стены с автоматом наперевес.

– Поговорить, – сквозь зубы сказал швейцарец. – А ты молодец... – Он ловко набросил на запястья и щиколотки придушенного пленного глухие петли, затянул их. – Ну-ка, открывай глаза... – Плеснув в ладонь воды из фляжки, Иоганн вылил ее в лицо бандита. Тот заморгал, открыл глаза с невероятным усилием, дернулся потереть горло и застыл. – Не дергайся. И не кричи, а слушай... – Иоганн перешел на лингва-франка, возникший среди остатков местного населения в последние 20–30 лет синтетический язык; в лагерях его учили в достаточном объеме, он был прост, как и говорившие на нем существа, по крайней мере в массе своей. – Я могу тебе заклеить рот и обрезать уши, нос, вынуть глаза – тихонько, не спеша. Нравится? Вижу, что не нравится. Тогда я сейчас развяжу тебе руки, ноги – и ты позовешь командира. Из дома. Без шуток. Если сделаешь, как я сказал, я тебя отпущу.

Согласен?

Черные глаза бандита бегали по бесстрастному лицу швейцарца. Потом задержались на нарукавном знаке Рот – и лицо помертвело. Но он все еще молчал.

– У меня нет времени ждать. – Иоганн решительным будничным движением задрал вверх подол накидки бандита. – Яйца у тебя лишние, я так решил.

– Я скажу... позову! – вырвалось у того.

– Давай. – Ловко освободив пленного от петель, Иоганн поднял его за шиворот и толкнул к двери в заборе, держа дробовик у его позвоночника. – И чтобы он вышел. Иначе – сам понимаешь. Я расстроюсь.

– Понимаю, – закивал бандит. Он часто моргал. – А вы... отпустите?

– Тут же. Джек...

Джек уткнул свой автомат в поясницу бандита и встал сбоку от двери. Иоганн занял место с другой стороны.

– Зови... – шевельнул губами Иоганн.

– Эмир, господин эмир! – громко позвал бандит. – К вам гонец, господин эмир!

Что происходило во дворе – Джек не видел. Зато было слышно, как идущий по двору что-то бормочет... Джек сдвинул пленного в сторону.

– Какой гонец? – Над его плечом англичанин увидел узкое смуглое лицо с усиками и татуировкой на лбу, расширившиеся глаза.

Кулак Иоганна молотом ударил командира в затылок, а правой рукой швейцарец буквально метнул часового внутрь, во двор:

– Иди, отпускаю! Джек, внимание!

Взрыв! Второй, над забором поднялся огненный столб – это Густав выстрелил из «ропика». Иоганн, пинком распахнув, а точнее, снеся с петель дверь, держа дробовик в высоко поднятых руках, ударил внутрь почти очередью.

– Джек, вперед!

Англичанин проскочил под локтем швейцарца, согнувшись вдвое. Во дворе не было ничего, кроме локального ада. Дом исчез, на его месте пылали черно-рыжим огнем развалины. Неподалеку от огня лежал уже неопознаваемый горящий труп.

– Хватит, сержант! – крикнул Дик, поднимаясь из-за мотоциклов. – Тут никого нет! – И добавил с ухмылкой: – Живого. Мы не в счет.

– Там же было не меньше сорока... – неверяще сказал Джек, медленно опуская автомат, из которого так и не выстрелил.

– Судя по мотоциклам, больше, – обыденно ответил Эрих. И заорал: – Андрей! Густав!

Они как раз перелезали через стену. Русский, оседлав верх, недовольно буркнул:

– Ты громче ори, а то больше никто не услышит. Фриц чертов.

Эрих заржал. Джек выдохнул, разглядывая пожарище, где не было и намека на тела:

– Нет, ну как же это...

– Да вот так. – Дик поставил на землю «двушку». – Сперва моя осколочная, потом термобарик...

Подошел Иоганн.

– Хелен докладывает, что по деревне – никакого опасного движения. Они сюда идут... Так, я займусь пленным. Эрих, помоги мне. Андрей, Джек, сходите за кипятком для кофе, пусть где-нибудь вскипятят... Остальные – обработайте мотоциклы.

– Стартер на бак? – широко улыбнулся молчаливый Жозеф.

– Угу. – Иоганн приподнял угол рта. – Все, разбежались.

– Пошли. – Андрей махнул рукой...

...Они вышли на пустую улицу, где не было никого, кроме связанного командира бандитов, еще не пришедшего в себя. Только трупы... Андрей махнул рукой Елене, Ласло и Анне, появившимся у леса, и зашагал вперед, без особого интереса поглядывая по сторонам. Иногда поскрипывали двери или оконные ставни. Оттуда следили за солдатами, но никаких действий не предпринимали.

– Сюда. – Андрей свернул налево, на еще одну улицу. И повернулся к Джеку лицом. – Кажется... ты хотел мне бить морду?

– Зачем ты убил мальчишку? – хмуро спросил Джек.

Драться ему уже не хотелось. За последние четверть часа он успел посмотреть такие «интересные вещи», что практически и забыл, что и как там было с тем пацаном.

– Ну так морду бить не будешь? – спокойно спросил Андрей. – Тогда слушай меня, зелень. – Джек напрягся, услышав это обидное слово. – Здесь, – он обвел рукой дома во круг, – друзей нет. И вообще людей нет. Так уж получилось. Исторически сложилось. Не-ту. А оставить перед налетом в живых того, кто нас видел, – значит рисковать всей операцией и головами друзей. И твоей, кстати, тоже, Джек. Ну что? – Андрей положил руку на плечо англичанина и чуть качнул. – Замяли эту тему?

– Замяли, – почти с облегчением сказал тот. И спросил, радуясь возможности поскорей сменить тему: – Слушай, Эндрю, как ты его заметил?

– Я же сказал – унюхал.

– Да ладно тебе.

– Серьезно. Я с пятидесяти шагов могу по запаху отличить махди от нашего. Во влажную погоду – даже больше.

– А в чем разница-то?! – добивался Джек.

– Они воняют, как звери. Даже если год не мыться – запах все равно будет как от грязного человека. А от них – другой.

– Это ты тоже на охоте научился?

– Там... Слушай, – вдруг спросил русский, – а кем ты быть хотел?

Джек удивился и задумался:

– Не знаю... Я только школу окончил... Вообще-то мне многое интересно. А ты школу успел окончить?

– Девять классов, – ответил Андрей. – У нас школа была в пяти километрах от моего дома.

– Автобус собирал? – уточнил Джек. – На автобусе ездить мучительно, к нам тоже приезжали с ферм...

Андрей засмеялся:

– Ага, автобус. «Мерин» дяди Сергея, да и то не всякий раз. А так пешком.

– Ого. Каждый день?

– Почти... А отец у меня тигролов был, – с легкой хвастливой ноткой сказал Андрей.

– Убивал тигров? – уточнил Джек. Тигров он видел только на картинках и в кино, но знал, что на Дальнем Востоке их за Безвременье расплодилось огромное количество.

– Зачем? Живьем ловил...

– Ничего себе... А почему ты сказал «был»?

– Потому что пропал без вести. Понял? – в голосе Андрея Джеку почудилась враждебность, и он слегка растерянно сказал:

– Понял...

Андрей тряхнул головой, снял шлем. Его лицо потемнело:

– Не сердись, я так... Банда пришла с юга... китаезы... Отец нас – маму, меня, младших сестричек – зашвырнул в машину, водиле крикнул: «Газуй!» – и пошел с мужиками... Помню: машина уже мчится, а я стою у заднего борта...

отец идет, не оборачивается... Спина в охотничьей куртке и СКС над плечом, старый, еще прадеда, до Безвременья сделан... – Он провел рукой по глазам. – Ну, мы потом вернулись. Дом цел, даже замок висит, мама повесила зачем-то. А отца нет... нет... Кто с ним вместе дрался – говорят: во время схватки ночью пропал. И все. – Андрей отвернулся. Помолчал и заговорил как-то глухо, невыразительно: – Я подожду, когда шестнадцать исполнится, маме сказал: «Не отпустишь – к нашим уйду, в Монголию, к казакам прибуду, ты и знать не будешь. Отпусти». Я бы, конечно, в нашу армию пошел, но туда вакансий не было как раз. А ждать я не мог... У тебя кто воюет где?

– Нет. – Джек пожал плечами. – Братишка младше меня. А отец был механиком на вертушках, но давно, я еще малышом был совсем. А сейчас инженер в «Эмпайр Эрэйз»...³¹ Ну мы кипяток-то где брать будем?

– Да хоть вон там. – Андрей показал через небольшую центральную площадь. – Пошли. На крыши посматривай...

Эти слова напомнили Джеку, что идет война...

...Дверь оказалась заперта.

– Пойдем в соседний? – кивнул в ту сторону Джек.

Андрей пожал плечами:

– Да на хрена? Раз уж я решил взять здесь... – Он вдруг ударил каблуком сапога в середину двери между петлями.

³¹ Крупнейшая авиационная фирма Земли в этот период. Полностью государственная (Англосаксонской Империи).

Занимавшийся четыре года ланкаширским боксом³² Джек вполне оценил удар. Дверь не открылась и даже не упала – ее вынесло внутрь в вертикальном положении, и лишь на полпути к дому она, словно задумавшись, остановилась и рухнула в пыль с легким хлопком.

– Это ерунда, – поделился наблюдениями Андрей. – Попроси как-нибудь рассказать Иоганна, как он в прошлом году со столбами воевал... Хозяева, вашу мать! – Андрей вежливо постучал в дверь кулаком. – Да вы открывайте, открывайте, хрящеды. Если не откроете, я же эту вашу плетенку в соседний конец халупы отправлю, еще зашибет кого...

Дверь бесшумно распахнулась. На пороге стоял седой патлатый негр в сером халате. Черные глаза на коричневом морщинистом лице смотрели безучастно, равнодушно; он словно и не видел двоих белых солдат, стоящих на пороге его жилища. В полутьме комнатки виднелись сбившиеся в кучу за низеньким большущим столом детеныши – штук пять.

– Ну-ка. – Андрей отодвинул ствол старика, вошел. – Смотри, плов. С чем? – Он пересек комнату, брезгливо опрокинул черный засаленный и закопченный котел. – Ясно, с чем...

³² Синтетический вид рукопашного боя, созданный группой энтузиастов – бывших офицеров-парашютистов – в начале Безвременья на территории графства Ланкашир на основе английского бокса, французского саватта и армейского комплекса самообороны. Позднее этот комплекс принял на вооружение «Фирд»; в настоящее время его основам мальчиков обучают в обязательном порядке в скаутских отрядах.

– Нас с водой ждут... – Джека снова немного покорило поведение русского, но тут до него дошло: – С чем?! В смысле?!

– Кого-нибудь из соседнего селения жрут, – равнодушно отозвался Андрей. – Они тут людоеды все. Вернее, каннибалы, люди им нечасто попадают последнее время.

С улицы, издалека, донесся страшный, безумный крик. Он звучал все выше и выше, никак не мог умолкнуть... Потом оборвался наконец, резко, словно кричащему заткнули рот.

– Ты прав, Иоганн напоминает, – засмеялся Андрей. – Ну, ты, сволочь старая, – непринужденно обратился он к старику, – воды согрей, быстро. Вон в том кувшине. Живей! – Он передвинул под руку пулемет.

Старик наклонил голову. Шаркая ногами, подошел к висящему около двери большому медному кувшину с высоким узким горлом, украшенному чеканкой. Снял его и начал медленно спускаться во двор.

Джек встал в дверях, опираясь плечом на косяк. Андрей присел на корточки, уперев пулемет прикладом в землю между ног. Наблюдая за тем, как старик открывает деревянную крышку колодца, спросил:

– Старшие твои где? Где сыновья, морда?

– В поле, – глухо ответил старик. Казалось, его голос с годами высох вместе с его телом.

– Слышишь, Джек? В по-оле. Они мирные поселяне. Они

честно выращивают свое долбаное просо, а поскольку бараны у них подошли в зиму, то они с просом точат ближних своих. И дальних... Кстати, дом-то на окраине мы сожгли, морда. Слышишь? Ни хрена не осталось. Прощелкали ваши клювиком.

Спина старика – он как раз ставил кувшин куда-то в сооружение, которое Джек опять-таки принял за второй колодец, – окаменела. Руки упали. Он медленно повернулся, и Джек вздрогнул – лицо старика было страшным. Он шагнул к белым солдатам, худые руки вскинулись, выметываясь из отрепьев, беззубый рот распахнулся, как черная щель, – у Джека мороз пробежал по коже...

– Убийцы! – послышался хрип из этой щели. – Дети, о-о-о, дети... Убийцы! Чтоб вам увидеть, как горит ваш дом! Чтоб вам увидеть, как умирают без времени ваши отцы и матери! Чтоб еда не держалась в ваших руках, чтоб вода уходила от ваших губ, убийцы...

Он шептал это и шел, как слепой, не опуская рук. Англичанин оттолкнулся от косяка, ощущая приступ ужаса, настолько все было дико, страшно, как-то бездонно...

Андрей не вставал, поглядывал на старика снизу вверх. Потом вскочил сразу, разводя ладони движением плывущего брассом человека. Протянутые руки старого каннибала оказались отброшены в стороны. Почти в ту же секунду правая нога Андрея, метнувшись вперед-вверх, ударила старика под челюсть.

Легкое тело, отлетев по дуге, упало у этого то-ли-колодца. И осталось лежать...

– Не люблю таких. – Андрей поднял пулемет. – А про выкидышей его старших нам давно известно... Пошли... Погоди, тряпку дай какую-нибудь, кувшин, наверное, еще горячий...

– Ты возьмешь кувшин?! – с трудом сказал Джек.

– Кипяток-то нужен, – невозмутимо сказал Андрей, направляясь к «колодцу». – Ну ты тряпку-то дай.

Джек повернулся к дому. Действительно, нужна тряпка. Нужно взять кувшин с кипятком...

Мальчишка лет восьми держал большой револьвер обеими руками. Ствол – черная точка. И две черные точки глаз, как пулями, заряженные бессмысленностью, страхом, злобой, ненавистью.

Резкий, отрывистый грохот ударил в стены дворика тяжелым молотом. Джек услышал плачущий свист над ухом, потом вскрик Андрея.

Револьвер – самовзвод. Мальчишка с усилием жал на спуск, ствол от напряжения чуть опустился. И Джек осознал, что можно умереть от дурацкой пули на идиотском чужом дворе. Не в бою, а так, как умер только что Андрей...

Автомат от бока рывкнул коротко, сухо, словно вставляя разгневанную реплику в разговор, не пришедшийся по душе. С такого расстояния промахнуться невозможно. Полторы тонны удара, впечатывающиеся в легкое тело со скоро-

стью 800 метров с секунду, швырнули мальчишку обратно в хижину. Револьвер выстрелил в небо.

Джек повернулся. Андрей стоял, опираясь рукой о забор. Жилет сзади дымился.

– Вот так у нас и погибают, – улыбнулся он. – Хорошо, что не карабин... Ты чего не стрелял-то сразу?

– Живой, – облегченно улыбнулся Джек. – Ты живой...

Он и в самом деле не ощущал ничего, кроме радости – от того, что Андрей жив.

6

Густаву было интересно ходить по деревне. Он не ожидал, что Иоганн это разрешит, но швейцарец, занятый пленным, махнул рукой. И послал с поляком Жозефа.

Компания, конечно, не ахти. Жозеф казался поляку мрачным и неразговорчивым, хотя Густав представлял себе французов не такими. Ни одного француза Густав раньше никогда не видел, но в кое-каких читаных старых книгах они были шумными, активно жестикулирующими, веселыми. Правда, этот вообще-то не француз... бельгиец. И, хотя и был смуглый и темноволосый, как те же французы по представлению Густава, шумным не казался – шагал себе впереди, а потом вдруг спросил Густава, с интересом смотревшего по сторонам:

– Ты случайно не протестант?

Вопрос был странный, Густав даже не сразу вспомнил, что это такое. А когда вспомнил, уставился на Жозефа удивленно и даже не ответил: какие еще протестанты-православные-лютеране в наше время?!

– Ясно. – Жозеф вздохнул и серьезно посмотрел на поляка. По-английски он говорил примерно так же, как и поляк, разговаривать было достаточно легко. Потом достал из-под РЖ и куртки старинный крестик и поцеловал его. – Пони-маешь, я протестант. Я хотел бы исповедоваться, а священ-ников тут нет... Если бы ты был протестант, я бы мог тебе исповедоваться как брату по вере...

– А что, больше христиан нет? – поинтересовался Густав, почему-то смущенный словами бельгийца.

Жозеф вздохнул:

– Нет, откуда... Я вообще на всю роту один христианин. Нет, не смеется никто, но не понимают. А я верю, с детства научили...

– А я себе бельгийцев не такими представлял, – вырвалось у Густава.

Жозеф покачал головой:

– Да я и не бельгиец даже, я валлон³³.

³³ Валлоны – народ, проживавший до Третьей мировой войны в основном в Бельгии. Общая численность на 1992 год – 4,1 млн человек. В период войны и во время катаклизмов Безвременья, когда территория Бельгии превратилась в островные гряды, валлонов уцелело всего несколько тысяч человек. На протяжении 11 лет существовало Валлонское Королевство, но за 9 лет до событий книги оно вошло на правах самоуправляющегося графства в состав Англосаксонской

– А, – понимающе сказал Густав. Про валлонов он вообще ничего не слышал. – Послушай, ну в чем тебе исповедовать-ся? Нет, ты не думай, я и не спрашиваю...

Жозеф поправил патронташ с гранатами к подствольнику. Вновь посмотрел на поляка – внимательно, долго...

Человек – странное существо. Нередко люди откровенничают в дороге с совершенно незнакомыми, зная, что никогда больше их не увидят, рассказывают им о том, о чем никогда не рассказали бы и иным хорошим знакомым. Наверное, то же произошло с юным валлоном. Смуглое лицо стало задумчивым. И Жозеф явно пришел к выводу, что «свежий» человек может понять его лучше, чем старые друзья:

– Знаешь, я верю, что мы здесь сражаемся против нечисти за веру Христову. Ну, как в Крестовых походах в давние времена... И я не знаю, могу ли я... имею ли право... Понимаешь, я торговал краденым. У нас в Шарлеруа до сих пор не везде порядок, за процент с продаж устраивал встречи, помогал сбывать разное, когда был мельче – лазил по форточкам... Знаешь, я понимал, это скверно, мерзко, но – деньги, деньги... Помню, как у меня несколько раз по-настоящему валялись в ногах, у мальчишки, чтобы помог что-то вернуть или достать... А ведь среди моих предков были графы Шарлеруа, де ла Вильеры! – Жозеф вздернул голову. – Война не кончается, а я толкал краденое... Люди шли воевать, люди приходили с войны... или их привозили... клиентов поти-

хоньку становилось меньше, наказывать стали строже, стали вешать... Но я не завязывал. Босс платил мне хорошо, у меня было чутье и на облавы, и на подсадных... Мне должно было исполниться шестнадцать. Я еле-еле ушел в тот день. В меня стреляли. Каски³⁴. Не наши, местные. Я спрятался в церкви. Было холодно, шел дождь со снегом, у нас такое часто даже летом... выл ветер... Я уснул, пригревшись, на скамье... Когда я открыл глаза, – взгляд Жозефа стал испуганно-изумленным; он снова живо переживал то воспоминание как реальность, зрачки расширились, – рядом со мной на скамье сидел граф Готье де ла Вильер, сподвижник и лучший меч Готфрида Бульонского...³⁵ Я понимаю, – Жозеф неловко улыбнулся, – это было от нервов, усталости и страха. Но я так ясно его видел – низко надвинутый кольчужный капюшон, кольчужные перчатки на крестовине обнаженного меча, серебристый блеск лезвия. И чувствовал запахи – мокрого железа, мокрого сукна, мокрой кожи... словно он тоже вошел с

³⁴ Имперская полиция; на собственно английских территориях их по-прежнему называли «бобби».

³⁵ ГОТФРИД БУЛЬОНСКИЙ (1060–1100), герцог Нижней Лотарингии, один из предводителей Первого крестового похода 1096–1099 годов на Восток, истово верующий фанатик-католик, он продал свои лотарингские владения, чтобы купить 400 полных доспешных комплектов, которые раздал бесплатно неимущим молодым рыцарям. Герой битв при Никее, Эдессе, Антиохии и Иерусалиме. Первый правитель (с 1099-го) Иерусалимского королевства; интересно, что он отказался принять титул Короля Иерусалимского, заявив, что «в этом городе может быть лишь Один Король». Приняв титул «защитник Гроба Господня», восседал в тронном зале на скамейке у изножия пустующего трона.

улицы. Он смотрел на меня грустно и устало. А потом сказал: «Жозеф, зачем ты губишь свою душу и души своих братьев во Христе? Ты сын воинов, в тебе наша кровь. Ты должен искупить сделанное». Я проснулся. Той ночью я из дома вывез кучу краденого барахла-передержки и свалил его у дверей участка. Подделал подписи отца, матери и пошел в пункт вербовки. Теперь воюю. Но я думаю: а имею ли я право, я, торговец краденым и вор, стоять в одних рядах с теми, кто не веруют в Господа, но чище меня в душе и мыслях своих? Вот... – Он провел ладонью по автомату. – Я рассказал...

Густав удивленно молчал. Что, собственно, он мог сказать? Он был сыном кустика-рабочего, который родился до Безвременья, но почти не помнил того мира, и обычной польской женщины, замотанной жизненными неурядицами и запоями мужа. Роты были нужны ему скорее просто как возможность вырваться из Радома, где неизвестно чего ждать и неизвестно на что надеяться... Густав никогда не воровал, вообще не делал ничего особо противозаконного – крепкий, здоровый славянский парнишка с дремлющими хорошими задатками... Что он мог сказать?

Да, похоже, Жозеф и не ждал ответа.

Какие-то отрывки из скудного школьного курса истории тем не менее мелькнули в голове поляка.

– Ну... э... если я правильно помню, – медленно произнес он, – этот... папа римский, призывая к Первому крестовому походу, сказал, что тем, кто примет в нем участие, будут от-

пущены все грехи. Я не очень понимаю, как это – отпустить грехи. Но... твой предок – он вроде бы намекнул тебе, что война отпустит и твои грехи. То, что ты делал, это гадость, конечно. Но ты с этим ведь покончил и сражаешься за будущее. Так ведь?

– Да. – Жозеф осенил себя крестом и добавил с почти неуместным в устах юноши этого времени пылом: – Даст бог, это так, я верю в это... Спасибо, Густав.

Поляк смутился, сам не понимая почему. Насвистывая, чтобы скрыть смущение, он огляделся... и заметил в конце улицы, чуть сбоку, угол какого-то здания, не похожего на жилой дом.

– А там что? – спросил он с интересом.

Жозеф, размышлявший о чем-то своем, повернулся и удивленно сказал:

– Н-не знаю. Мы тут были три недели назад, ничего там такого не торчало... – Он достал «уоки-токи». – Иоганн, это Жозеф... Да нет, ничего. Тут какой-то дом, раньше не было его. Мы посмотрим... Нет, зачем? Тут тихо, справимся... Конечно. Андрэ и Джек не вернулись?.. Точно, за смертью. – Он посмеялся. – Да, есть вещи, которыми даже черт не шутит... Ладно, мы быстро. – Он убрал рацию и спросил: – Ну что, посмотрим?

– Пошли. – «Ропик» Густав оставил на стоянке и сейчас перекинул в руки автомат.

Стояла страшная тишина. Поляк ощущал, что из-за щеля-

стых перекошенных ставен в них буквально врезаются враждебные, даже... даже не вполне человеческие взгляды. Стоило большого труда не оборачиваться...

Здание, словно живое, выпрыгнуло из-за последней хижины. Видно было, что его поставили недавно, и выглядело оно странно. Треугольное в плане, повернутое основанием к деревне, оно было увенчано пирамидальной крышей, которую поддерживали за углы фасада две странные, отталкивающе уродливые фигуры, вырезанные из дерева. Пузатые уродцы, одетые в набедренные повязки, каких тут уже лет сорок никто не носил, широко раздвинув короткие кривые ножи, расставленными руками подпирали крышу. Большие лопухие головы с выкаченными глазами и высунутыми до подбородка языками венчали четырехзубцовые короны, каждый зубец украшал человеческий череп. Деревянные тела идолов тут и там пятнали алые потеки краски – казалось, по ним течет кровь.

– Что это? – растерянно спросил Густав.

Жозеф ответило мрачно и зло:

– Это ничего такого, вот что это такое. Это Ала Шамзи, Голый Бог. Его храм... а, черт, какой храм – скотовище! Мерзкий культ, ну, понимаешь, типичный для Безвременья... Вот ведь три недели тут этого дерьма не было! – Он сплюнул.

– Войдем? – кивнул на храм Густав.

– Да, надо проверить, что в этом гнезде, – сузив глаза, про-

цедил Жозеф. – Пошли. – Он взял автомат наперевес.

Двери не были заперты. Жозеф взял их на прицел, стоя чуть сбоку. Густав, пригнувшись, пнул в стык – двери с треском ударились внутри о стены.

Треугольное помещение было пустынно, как ночная крыша. Вершину треугольника занимал грубый каменный алтарь, покрытый потеками. На нем, в самом центре, лежал длинный серповидный нож из зеленого камня. Весь пол – в таких же бурых потеках, кое-где уже слившихся в сплошной слой, словно кто-то долго, густо и упорно махал в помещении малярной кистью.

– Это и правда мерзкий культ. – Жозеф перекрестился, глядя по сторонам. – И довольно старый. Дик говорил, что Ала Шамзи принесли в жертву множество людей даже в Европе, там, где жили толеры³⁶. Вскоре после начала Безвременья.

– Жутко здесь, – тихо ответил Густав.

– Слушай, что это?

³⁶ Презрительное сокращение слова «толерантный». В указанный период обозначало многочисленных недолудей, которые до Третьей мировой войны страдали массовым психическим расстройством ксенофилией (болезненная любовь к агрессивным чужакам, подавлявшая даже инстинкт самосохранения). Толеры были почти полностью перебиты (как чужаками, так и сохранившими здоровую ксенофобию европейцами) в первые годы Безвременья. Уцелевшие вымерли в следующие годы. Капитальный многоплановый труд-шеститомник «Ксенофилия: шесть шагов в ад» по исследованию психопатологического феномена «толерантность» в период действия книги еще не написан, его автор – Персиваль Фэйринг – родился лишь за восемь лет до описываемых событий в Лодоне.

Голос валлона был напряженным и вибрирующим, как туго натянутая струна. Жозеф походил на гончую собаку, чего-то испугавшуюся. Густав прислушался.

Станный сухой шорох, казалось, исходил отовсюду. Как будто стоишь в центре жухлого леса... только не ветер дует, а листья сами по себе шуршат, таинственно и зло...

– Это там. – Жозеф облизнул губы.

– Где? – нервно спросил Густав.

– Там, – еще тише сказал Жозеф и указал глазами, – наверху...

– А что это?

– Не знаю... Я никогда не был внутри этих помоек.

Шорох усиливался. Может быть, это лишь казалось в сплошной густой тишине. Но нет, он становился похожим на гром листовой жести. Густав понял, что если сейчас не найдет в себе силы посмотреть вверх, то бросится бежать прочь из этого здания, из этой сухой, шуршащей тишины, похожей на ночной кошмар.

– Х-х-ха-а... – услышал он полузадушенный выдох Жозефа. Валлон смотрел вверх, и страх в его глазах медленно уступал место гневу.

И поляк вскинул голову...

...Сперва ему показалось, что под крышей – рядами к ее острой части, к верху пирамиды – висят какие-то серо-бурые комбинезоны вперемежку с... тыквами, что ли? И лишь через секунду он понял, что это. И откуда эти потеки на полу...

Жозеф начал ругаться. Он говорил по-своему, но было ясно, что это именно ругательства. Густав смотрел и не мог понять, как такое может быть и почему это существует. Почему-то вспомнились улицы Радома и звонок трамвая, проносащегося сквозь только-только начавшие возрождаться яблоневые сады на окраинах. Польша...

А потом он увидел голые, изглоданные жадным огнем ветви яблонь. Раскачивались страшные комбинезоны, и сухой, бездушный шорох слышался со всех сторон, нарастал и заполнял весь мир, как сыпучий мелкий песок, в котором можно утонуть, задохнуться...

Снятая кожа. Отрубленные головы. Дар Голому Богу. И... там же... чьи?.. Это – дети?!.

– Голова Радко! – вдруг вскрикнул смотревший в другой угол Жозеф. И подпрыгнул. Ругнулся, приземляясь на спружинившие ноги, присел, похожий на волка, пытающегося достать добычу. – Подними меня на плечи, слышишь?!

Жозеф был постарше, но и ростом ниже и более хрупкий, чем Густав. Поляк довольно легко поднял его на плечи, придерживая за щиколотки.

– Достал, – сипло сказал он. Густав почувствовал, как Жозеф дернулся. – наших больше нет...

Валлон прыгнул на пол и выпрямился. Густав сразу отвернулся. Смотреть он не мог. Но Жозеф не стал над ним смеяться. Через несколько секунд он угрюмо сказал:

– Можешь поворачиваться.

Густав повернулся. Жозеф убирал в поясной рюкзак что-то, завернутое в темный пакет.

– А это я сожгу, – со злой уверенностью сказал он, глядя кругом.

Густав промолчал, но и он был вполне согласен с этим.

– Стойте.

Голос тоже походил на шорох сухих листьев. Но самое главное – это было сказано по-английски, очень чисто, и юноши обернулись.

У алтаря стоял высокий махди, одетый в черный халат и черную чалму. Борода и усы его были выкрашены красным и казались испачканными кровью. В правой руке он держал взятый с алтаря каменный нож.

– Вы осквернили храм могучего Ала Шамзи, властелина боли и пожирателя солнца. – Голос все-таки странно не подходил к внешности жреца, а это точно был жрец. – Вы умрете. Сейчас. Здесь. Оба.

Он взмахнул рукой невероятно быстро, словно метнулся клок ночного мрака. Но Жозеф оказался быстрее...

С коротким стуком ударившись затылком об алтарь, жрец рухнул на пол. Каменный нож, отлетев в сторону, неожиданно раскололся наискось.

Жозеф шумно выдохнул и, подойдя к жрецу, склонился над ним. Крови не было видно. Валлон резким движением вырвал из левой глазницы убитого нож – с легкой удобной рукоятью из черного пластика, чуть изогнутым лезвием с

глубоким шоковым зубом на обухе и серым небликующим покрытием. Убрав нож, достал тесак, сбил с головы жреца чалму, перехватил густые волосы и, встав сбоку, двумя точными, свирепыми ударами отсек голову. Держа ее так, чтобы не запачкаться, поставил на алтарь, плюнул на него и перекрестил несколько раз.

– Пошли, – кивнул он Густаву. И первым пошел к выходу, доставая из кармашка на РЖ зажигательный патрон³⁷. Выдернув чеку, швырнул его через плечо – внутри храма вспыхнуло белое магниевое пламя, послышался резкий шип. Отойдя шагов на пять от входа, Жозеф повернулся, одновременно правой рукой сорвав с плеча автомат, и ударил по деревянным статуям, от которых брызнула щепка. – Христос жив! Христос жив! – яростно выкрикивал валлон, поливая черный храм автоматным огнем. – Солнце взошло, твари!

7

– Что за стрельба, черт?! – Иоганн прибежал навстречу, даже не вымыв рук – с них капало красное. – Ланс, отвечать, черт вас возьми!

Переглянувшись с Джеком, на всякий случай приняв огневую стойку, Андрей полушутливо прищелкнул каблучками

³⁷ Оружие, предназначенное для поджога способных воспламениться конструкций. Как правило, дают температуру горения состава в 400—2000 градусов по Цельсию в течение 1–5 минут – в зависимости от снаряжения.

и отсалютовал пулеметом:

– Попытка нападения, товарищ сержант! – и подал Иоганну револьвер.

Швейцарец подкинул оружие на широкой ладони и покачал головой:

– За водой нельзя никого послать без стрельбы! Марш на место! Бегом! Марш!

– Да, товарищ сержант! – завопил Андрей, бросаясь по улице рысью. – Рядовой Брейди, за мной! Бегом! Марш!

Иоганн попытался достать его пинком, но промахнулся и, качая головой, засмеялся, буркнув:

– Щенок... – потом рыкнул на окаменевшего Джека, еще не разобравшегося, что тут всерьез, а что в шутку: – Чего встал?! Выполнять приказ ланс-капрала!

– Есть! – Джек бросился бегом по улице.

Иоганн, все еще посмеиваясь, махнул Эриху и зашагал следом.

С допросом было закончено. Убрать труп никто не удосужился – его швырнули под забор и перестали обращать на него внимание. Ласло и Анна сидели на крышах домов рядом с биваком, глядя в разные стороны: оставлять деревню без наблюдения было бы неразумно.

– Наконец-то! – Дик, сидевший на земле со скрещенными ногами, изобразил возмущение. – Кипяток принесли?

– Разливай, – засмеялся Андрей. – Иоганн, тебе полить?

– Выслуживаешься, – заметил с крыши Ласло. – Еще раз

утащишь моего второго – я тебя пристрелю в спину.

– Уже пытались. – Андрей продемонстрировал продранныю на спине ткань.

Венгр меланхолично присвистнул:

– Ого! Это как?!

– Джек, полей, – между тем попросил Иоганн, расставив ноги и вытягивая руки в подсыхающей крови. – Давай, а то засохнет – не отскребешь.

Он стоял, весело поглядывая на Джека. А на руках – до самого локтя – потеками сохла кровь. И труп, похожий на вымокшую в крови тряпку, лежал под стеной. Совсем недалеко сидела на рюкзаке Анна, с аппетитом лопая что-то из банки.

Джек сглотнул:

– Сейчас, товарищ сержант...

...Картон оказался слишком плотным, Джек вспорол коробку штыком и, с интересом изучив ее содержимое, извлек банку с пометками «завтрак» на четырех языках, стаканчик из крафт-бумаги, упаковку галет, сахар, пакетики с ячменным кофе и ромом. Стараясь не смотреть в сторону трупа, англичанин удобней устроился на рюкзаке у стены – так, чтобы к ней можно было привалиться.

«Я застрелил того пацана, – подумал он, протыкая резервуар саморазогрева. Странно, но мысль эта показалась... смешной! – Первый убитый мною враг – какой-то сопляк! Вот черт...» – Он пожал плечами, уже примирясь с мыслью,

что убил.

В банке оказался цыпленок с перловкой. Елена прошла по ребятам, лично разливая в стаканчики кипяток. Работая ложкой, Джек с интересом рассматривал пакетик рома. Краем глаза он заметил, как Дик ловко сдернул перфорированный уголок и привычно слил ром в кофе. Поболтал черенком своей ложки...

– Хлам бросаем здесь, – неожиданно сказал Иоганн. – И побольше.

Никто не удивился. Джек хотел спросить почему... и все услышали очереди из-за домов. Очередь за очередью.

Солдаты повскакали на ноги. Иоганн схватился за «уоки-токи»:

– Жозеф!.. Фу-у... Я! Какого черта?!.. И то хорошо... Да? Ну мы ждем! – Все еще с раздражением убрав аппарат, швейцарец пояснил: – Какие-то неприятные новости...

– Уверена, что это Ала Шамзи, – сказала Елена, залпом выпив кофе.

– Хотелось бы не верить, – буркнул Дик, аккуратно комкая в руке тонкую жесть консервной банки.

– А кто такой этот... Ану Шизи? – спросил Джек, аккуратно выливая свой ром в стаканчик.

Смех – правда, довольно нервный и от этого не обидный – послышался со всех сторон. Дик пояснил:

– А ты не слышал? Местный бог. Погань редкостная, как и все местное.

– Он и в наших краях отметился, – сообщил с крыши Ласло. – Что они там нарыли, интересно?

– Боюсь, узнаем – не обрадуемся, – ответил Иоганн. – Эй, у кого там период интенсивного роста, доешьте кто-нибудь мои галеты, я не хочу, аппетита нет.

Кофе с ромом оказался по вкусу похож на кофе без рома. Только какое-то легкое и даже приятное жжение появилось в рту и скатилось в желудок по горлу.

– Жозеф с Густавом, – сказал Эрих. – Да, невеселые какие-то.

– Им не дали, – лениво буркнул Андрей.

Анна кинула в него консервной банкой, попав по спине:

– Следы за словами, титульник³⁸.

Поляк, подойдя ближе, буквально рухнул рядом с Джеком. Лицо у него было какое-то зеленоватое, он часто сглатывал.

– Есть будешь? – спросил англичанин. Густав внезапно затряс головой и отвернулся.

– Рядовой Вилье! – кивнул Иоганн Жозефу.

– Товарищ сержант... – Тот достал из поясного рюкзака какой-то продолговатый, вроде бы тяжелый сверток. Развернул его.

Съеденная каша подскочила к горлу мерзким комом.

³⁸ «Титульной нацией Русской Империи отныне и навсегда является русский народ». Из Русской Правды Петра Романова, статья 2-я, 1-й год Империи (12-й год Безвременья). Поэтому кое-кто из других народов Империи не всегда безобидно именуется русскими «титульниками».

В пыли перед Иоганном стояла человеческая голова. Самым жутким было то, что легко узнаваемы остались черты мальчишеского лица, искаженные боевой гримасой, – нечто кошунственное чудилось в том, что они такими остались после смерти и останутся навсегда... Радко Босанич не успел понять, что его убили.

– Ра... дко... – услышал Джек выдох Андрея. И отвернулся, унимая тошноту, ставшую непереносимой. – Иоганн, это же Радко! Сволочи! Убью! – И рев Иоганна:

– Стой! Стоять, ланс! Смирно!

– Да, товарищ сержант. Слушаюсь, товарищ сержант, – одышливо ответил Андрей. – Это же Радко...

– Радко похоронен, – жестко ответил Иоганн. – Это кость, тухлое мясо и волосы. Жозеф, запай в пластик. Унесем.

– Я понесу, – вызвался Андрей.

Сглатывая вязкую, металлическую слюну, Джек повернулся. **Это** уже было убрано, и Жозеф раскаленным ножом паял пластик.

– Где жрец и что с храмом? – спросил Иоганн.

Жозеф сквозь зубы ответил:

– Жрецу я отрубил голову. Храм поджег.

Иоганн сплюнул в холодную дорожную пыль:

– Хорошо.

Дальше шли довольно медленно и не делясь на группы, а цепочкой, почти по самому гребню холма. Позади над Файраном поднимался столб почти прозрачного дыма: горело сухое дерево. Сослуживцы вели себя странно. Дик вдруг начал жевать живицу. Андрей несколько раз спотыкался, оставляя вывороченные целые комья дерна. Иоганн доел-таки упаковку галет и бросил скомканную фольгу на траву.

– Ничего не понимаю, – обратился Джек к Ласло.

Венгр, что-то негромко насвистывавший, улыбнулся и охотно заговорил.

– Главарь банды сказал Иоганну, что неподалеку – не меньше сотни махди. С хорошим охранением. Сейчас из Файрана кто-нибудь уже наверняка чешет в эту банду с известием, что мы были в деревне, что там натворили и что нас мало. Бандосы пойдут по нашим следам. И под утро нападут.

– Нападут?! – поразился Джек. – Но мы же...

– Мы – это приманка, – сверкнул зубами Ласло. – Лейтенант с остальными в свою очередь возьмет в кольцо тех, кто захочет напасть на нас. Мы потому так и прем – в приманку играем. Уже делали так... Смотри, видишь?

Ласло указал на гребень холма справа и впереди примерно в полутора километрах. Там на фоне неба вырисовывалась фигура антилопы, похожая на вырезанную из темной бума-

ги. Животное смотрело куда-то за гребень, а потом вдруг покатилося со всех ног на эту сторону холма.

– Спугнули, – удовлетворенно сказал Ласло.

– Волки?

– Да нет тут волков... – Ласло поправил «печенег». – А от гишаков³⁹ антилопа лупит сразу, не разглядывая. Люди. За нами наблюдают... Видишь?!

И Джек увидел. Ясный, хотя и блеклый короткий блик – отражение от линз...

– Заметили! – Иоганн засмеялся. – Заметили!

– Значит, дадим, – резюмировал Эрих. – Андрей, ты, может, споешь чего? Идти веселей будет. А мы подпоем... Что-нибудь под шаг, а?

Андрей не стал ломаться. Сделав еще несколько шагов с низко опущенной головой, он резко вскинул ее и запел марш...

Родина —

или смерть!

Это бесстрашных клятва!

Вновь в небе Солнцу над Русью гореть —

Родина —

или смерть!

Уже на втором куплете Джек подхватил пульсирующий

³⁹ Жизнеспособная и очень опасная мутация гиены, в тот период чрезвычайно размножившаяся на берегах моря Чад.

рефрен. Раньше он никогда не пел на людях: не было ни голоса, ни слуха. Но вот поди ж ты...

...Вскинутая к виску рука Иоганна. Потом резкий мах вниз – в стороны, и через миг на склоне не было никого стоящего на ногах. Отделение залегло, рассыпалось за кусты.

Эрих перебежал за большое сухое дерево. Джек увидел предназначенный ему сигнал и броском достиг другого дерева, чуть в стороне – это робко пыталось зазеленеть.

Он увидел речушку. Вода текла чуть ниже через рощицу, метрах в ста, не больше, на берегах к воде склонялась зелень.

Джек повернулся к Эриху. Тот вопросительно поднял подбородок. Англичанин улыбнулся и покачал головой. Эрих встал на колени и махнул рукой.

Отделение поднялось. Иоганн посмеивался. Потом сказал:

– Поищите брод...

...Значок – вертикальную палочку с четырьмя поперечинками – нашел Густав и был страшно горд этим. Воды тут и в самом деле оказалось не больше чем по колено, и Елена весело объявила, что от брода до удобного для привала места – не больше десяти минут ходьбы, что было очень кстати... если не вспоминать, чем должен был завершиться этот привал.

Чем он неизбежно должен был завершиться.

Впрочем, об этом Джек не очень-то думал, потому что, если честно, устал и хотел отдохнуть.

Джек уже минут пять как проснулся. Он очень удобно лежал, опираясь затылком на рюкзак, не открывая глаз, и слушал, как возле небольшого костерка тихо разговаривают Дик и Елена – говорят о серьезных вещах.

– Я поражаюсь, – слышался негромкий голос русской, – до какой степени бесполезными знаниями были набиты черепушки у наших отцов и насколько бессмысленно было то, чем они жили... Священное Умение Пользоваться Компьютером, Великое Искусство Рэповать, Вечные Истины Гуманизма, Нетленные Общечеловеческие Ценности... – Девушка вроде бы засмеялась. – О Солнце, насколько они беспомощны оказались со всеми этими знаниями-умениями... Скажи, а ты себе все так представлял?

– Никак я себе ничего не представлял. – Хрустнула сухая ветка: Дик, должно быть, устраивался удобней. – Я селянин, не забывай. И у нас почти не было войны. Но киви сдохли все, кроме пары десятков в зоопарках... Знаешь, у нас наискось от школы висел старый плакат: «ВОЙНА УМЕРЛА НАВСЕГДА!» Я спрашивал директора, почему этот бред не снимут. Он ответил, что не хочет забыть о своей глупости. Оказывается, он сам вешал этот плакат – еще до войны, когда сам был младше нас...

– А в результате мы бегаем по холмам вокруг моря, на ме-

сте которого тридцать лет назад была пустыня... С ножами в руках.

– Точно... Знаешь, Хелен, я простой фермерский парняга...

– М-да?

– Ага. А ты все-таки казачка, русская, вы все умные, все философы...

– М-да?

– Ага... Как ты думаешь, кто все-таки виноват в Той Войне? Ваши или наши? В смысле – англосаксы?

– Ну-у... ваши, кто же еще?

– М-да? – в голосе новозеландца прозвучала ирония. – А кто пульнул ядербатонами по Штатам и по половине Европы с криком «Кушайтенеобляпайтесьпидарасы-ы!!!»?

– Ну знаешь... – Елена фыркнула.

– Знаю, русская. Знаю, что мы это заслужили. Тем, что нагло полезли грабить не нами завоеванное... И вы заслужили... заслужили, заслужили. ВСЕ заслужили. ВСЕ огребли. Вот ты подумай: какая такая Злая Сила пела всем в уши до войны о беззаботности, даровом счастье, спокойной жизни, бесконфликтности? Кто выколачивал, – он произнес это с особым чувством, – из нас умение драться? Какие такие Черные Маги старались ограничить мир наших отцов музончиком, перепихончиком и тащильчиком?

– Вот ты о чем думаешь... – тихо сказала Елена. – Ну что ж, так и есть.

– Еще бы! – зло ответил Дик. – Мне всегда история нравилась. Я в одиннадцать лет пайковые ботинки выменял на двенадцатитомник «Мировой истории» и полгода рассекал босиком по снегу... он у нас тоже есть, да-да... И я люблю думать. И знаешь, что мне кажется? Да нет, черт, в чем я уверен? **Все войны мира начинали политики и торгашки.** Вспомни, как они заставили белых убивать друг друга в Первой, потом – во Второй мировой? В сотнях мелких конфликтов за нефть, за лес, за газ, за уран, за алмазы, за воду, наконец. И каждый раз они громко трубили о «чести нации», «интересах страны», «защите демократии»... В конце концов все «победы» оборачивались примитивной свиньей толкотней у отвоеванной кормушки. А для «героев», для «наших храбрых мальчиков», устраивали троечку парадов, вешали на грудь по медальке из поддельного золота со стразиками... отпихивали в сторону – и благополучно про них забывали. И никого уже не интересовало, как они спиваются, мучаются во сне от кошмаров и наяву от кошмарных болей... Даже если цели войны и впрямь были святыми – после победы на самом деле победившей оказывалась торгашеская смердь, не талантливые генералы, не отважные солдаты и офицеры... Их просто отпихивали! Весь тот мир прогнил, Хелен, он сгнил еще задолго до начавшейся войны – весь, с его верами, ценностями, установками!.. Так вот, русская. Я согласен быть убитым. Я согласен быть забытым. Но лишь бы не шумный парад – и новая азартная драка у корыта с по-

хлебкой из замешанной на нашей крови победы! Я не хочу возвращения того мира. И меня очень радует, что дети наших вождей – там же, где и я. Я ушел защищать мой мир от махди. От глобальных махди. От отрезанных голов, от съеденных людей, от пустоты. И я вернусь в мой мир, если же выяснится, что в тылу что-то опять начало шататься, я его принесу с собой отсюда, с фронта. И пусть только кто-то попробует выставить локоть. Убью на месте.

...Землю очистят от мертвых,
Ею снова начнут торговать,
Все низкое вызовут к жизни
И объявят высоким опять,
Забудут старые клятвы,
Могилы бойцов осквернят...

– тихо прочла Елена. – Нурдаль Григ так писал... был такой поэт, я случайно его стихи прочла, мы развалины в центре разбирали и...

– ...Но вы – молодые, живые! – вдруг подхватил Дик. – Стойте на страже мира – того, о котором мечтали мы, – по соседству со смертью!

Мира – это не мирной, невоенной жизни, Хелен, нет, и будь прокляты те, кто так думает! Мира – это Мира, нашего дома, нашей новой жизни... Мы защитим мир, Родину, но не для тех. Нет, не для них, даже если они опять попробуют высунуться. Жаль, что в войне сгорели те твари, которые ее

вызвали. И ваши, и наши. Вот бы их всех – на скамью подсудимых... сразу за все. А мы бы их судили. Мы – это ты, я, это наши пацаны из пополнения, это те, кто сейчас в тылу делает консервы для нас, вон те стаканчики штампует... Мы – это наши народы, наша раса! А **тем** мы никогда больше не дадим набрать силу. Никогда, хватит. Мы разгребем кучи оставленной грязи. Мы выживем и победим. У нас будут дети – и они будут лучше нас, как мы лучше **тех**. Навсегда, не на часы, вернется Солнышко. Нам будет на кого опереться и кому оставить возрожденный мир. А пока – на нас форма. И черт с ним, пусть мы «когорта проклятых». Но лично я – я четко знаю, чего хочу и за что сражаюсь.

Около костра стало тихо. Джек думал, не открывая глаз...

Когорта проклятых... Он мысленно улыбнулся. Пускай. Неважно, как ты будешь называться. Важно, что рядом есть настоящие друзья, есть настоящая цель впереди – да, теперь Джек осознал и видел ее сияние! И ощутил пьянящее чувство свободы на пути к этой цели.

Пусть – «когорта проклятых». Посмотрим.

Глава 2

Духи холмов

*Синим огнем обжигает она —
Песня в Раскате Грозы!
Черного золота ночи не жаль!
Бесам себя не спасти!..*

А. Земсков

1

«Заспав» первую усталость, Джек никак не мог уснуть снова. Похоже, и остальные чувствовали примерно то же самое, только Иоганн преспокойно и очень тихо спал, завернувшись в накидку.

Холодно, впрочем, не было, особенно для ребят, родившихся и выросших в краях, где плюс пять в июле считалось не таким уж ужасом; более того, кто постарше, причем не так уж намного, ворчали, что «вот в наше время было минус пятнадцать, и ничего, а сейчас...». Ночь оказалась достаточно теплой. Будь Джек дома, в Англии, он бы решил, что сейчас начнется гроза. Но ему объяснили еще вечером, что тут по ночам такое – обычное дело, с моря, на дне которого

все еще бурлят глобальные горячие «котлы» гейзеров, тянет теплую влагу. Его поразило, что тут, где в принципе можно было уже давно распахать земли, развести стада, местные жители жили каннибализмом! Кое-как разбрасывали в едва отошедшую землю мутировавшее просо, его вечно не хватало – и приварком было мясо соседей. И чужих, пришельцев, конечно. Да это еще ладно – этот ужас был и в Англии; что было пищей для Трех Кланов⁴⁰, в конце концов? Но тут-то – тут даже не пытались как-то из ужаса вылезти! Словно были всем довольны! Этого он не мог ни понять, ни принять.

Эрих достал из кармана пачку писем в разных степенях затрепанности и, поудобней улегшись на живот, начал их внимательно перечитывать. Лицо немца почти сразу стало грустным, а губы слегка улыбались.

– Браунид офф⁴¹, – сказал Ласло, полулежавший рядом с Джеком.

– А ты? – спросил тот.

Венгр улыбнулся почти так же грустно, как немец, доволь-

⁴⁰ «Забытые кланы». В период Безвременья, когда проблема голода встала особенно остро, часть выживших обитателей Шотландии, выбирая «легкий путь», обратилась к каннибализму и практиковала его довольно длительное время, совершая набеги на соседей (как шотландцев, так и англичан). Вскоре после начала распространения власти «Фирда» отряд хускерлов из двадцати человек при поддержке ста человек местного йоменского ополчения и сотни бойцов кланов Фэркухарсон, Шоу, Гордон и Грант полностью уничтожил ополчение людоедов из пятисот боевиков в сражении при Анкрам Муре. Вслед за этим были вырезаны и сами кланы, за исключением детей до 3–4 лет. Клановые имена забыты.

⁴¹ Скучает по дому (*англ. армейский жаргон*).

но долго молчал, а потом пояснил:

– Я... Знаешь, почему я пошел воевать? Я тебе говорил, что я из Эгера? – Джек кивнул. – Эгер в свое время был крепостью, в свое время отбил атаку стодвадцатитысячной армии...⁴² чьей-то, я не знаю, если честно... и устоял! А что такое сегодня мой город? Тоска и тишь... Мертво все. Даже кто власть – черт его знает, русские с вашими ходят, как вокруг тарелки с горячим гуляшом... Мои родители и не почесались, у них еще трое мальчишек... братья мои, младшие. И все здоровые, без отклонений! Попал сюда. – Ласло улыбнулся уже задумчиво. – Сам видишь: был обожжен, ранен, стал хорошим пулеметчиком... Сначала радовался, что убрался из Эгера. Сейчас думаю по-другому... Я туда обязательно вернусь, если останусь жив. Я хочу, чтобы мой Эгер был таким, как раньше – домом гордых людей... Но тосковать? – Ласло качнул головой. – Нет. Я не оставил дома ни любви, ни тепла... ни даже девчонки. Вообще ничего... да и никого.

– А у Эриха девчонка есть?

– Есть. Он тебе еще покажет фотку... Какую музыку любил слушать? – неожиданно спросил он.

Джек пожал плечами:

– Да какую... Фолк, бард. Как все.

– А, я тоже... А тут вон Андрея с его гитарой слушаю и больше ни на что не претендую. Только на гуляш.

⁴² Турецкой.

– Про гуляш ты второй раз уже говоришь... А что это такое-то? – любопытствовал Джек.

Ласло с удовольствием пояснил:

– Рубят лук, мелко-мелко, и обжаривают его в свином жире до такого... золотистого цвета. Потом посыпают красным перцем, добавляют говядину, кубиками... майоран, соль, заливают водой и тушат, тушат, тушат, помешивают... Когда жидкое почти совсем выкипит, добавляют немного вина. Лучше всего токайского. Это хорошее вино такое, его у нас раньше делали, ну и сейчас вроде бы собираются, когда погода более-менее установится... Мясо потушится, можно класть картошку кубиками, красный перец – стручки чистят, чтобы семян не было, режут полосками – и помидоры. Заливают водой заново и варят минут двадцать. Кладут мучные клецки и подают на стол. – Венгр вздохнул и добавил: – Гуляш больше никто делать не умеет! Одни венгры... Только продукты все достать трудно, редко получалось готовить.

– А что такое клецки? – спросил Джек, сглотнув слюну, – по рассказу Ласло, штука была вкусная; Джек любил острое, а в его родной, отечественной, кухне острого было мало и раньше, а уж сейчас и вовсе...

– Такие мучные штучки... вроде шариков, вареные... – помогая себе руками, показал Ласло.

– Эй, – подал голос Эрик, убравший письма. – Что до еды, то...

– Не рассказывай о сосисках с кислой капустой, – попро-

сила Елена.

– Да ну их, это баварцы выдумали разную фигню! А я из Вестфалии! Какой у нас айсба-а-ан...⁴³ – Он протянул последнее слово и даже зажмурился. – Так вот, берут...

– Лучшая вещь – это все равно лэмб⁴⁴, – не выдержал Джек. – Лэмб с картошечкой фри...

– Если хотите жрать, так и скажите, – вновь вмешалась Елена.

Юноши посмотрели друг на друга и рассмеялись⁴⁵.

– Вупперталь и сейчас город немаленький, – сказал Эрих мечтательно. – Семь тысяч человек! А было, говорят, семьсот тысяч... Знаете, какие у нас парки?! И вот хотите верь-

⁴³ Свиные ребрышки.

⁴⁴ Мясо молодого барашка.

⁴⁵ Может показаться, что набор продуктов в разговоре штурмовиков слишком разнообразен для этого времени. На самом деле еще недавно было намного хуже. К счастью, еще в доимперский период большинство самоорганизовавшихся коммун сумело хорошо воспользоваться довоенными разработками в гидропонике и искусственном освещении. Многие ученые даже приходят к выводу, что без этих достижений человечество, скорее всего, не смогло бы выжить, несмотря на мужество его новых лидеров и всеобщие самоотверженные усилия сплотившегося вокруг них населения. Огромную роль сыграло то, что в первый же год Безвременья отряд русских добровольцев совершил рейд на Шпицберген. Там еще до войны под эгидой ООН было построено подземное Всемирное семеновохранилище на случай всемирной катастрофы. Персонал семеновохранилища большей частью присоединился к русскому отряду, и они совместно обеспечивали сохранность фондов, одновременно самоотверженно проводя научную работу. И фонды, и результаты работы в 10 году Безвременья были переданы Большому Кругу РА в Великий Новгород, а оттуда безвозмездно распространялись по всем коммунам, согласным с политикой РА и «Фирда».

те, хотите нет, а они уже зеленеют! – гордо выпалил немец – совсем не похоже на себя. – Мы как-то старую библиотеку разбирали, такое там прочитали... Перед той войной было у нас до темной тьмы каких-то чужаков, вроде этих вот махди. Отбивали у честных немцев работу, девчонок... Отец даже рассказывал... Правда, потом, когда все началось, наши сразу отбили у них охоту жить; чего ждали, не пойму? Но все равно было уже поздно... – Он печально покачал головой.

– Как вы под русскими-то оказались? – с легкой подко-выркой спросил Джек. И выругал себя мысленно.

Но немец не обиделся.

– Ну вот так получилось. Я, если честно, не знаю... Не нашлось у нас никого, кто всех бы вокруг себя собрал... А русские – что русские, чем они плохи? – И не удержался: – Уж точно лучше англосаксов.

– Зато двадцать лет всем вокруг жить не давать – на это у вас вожди нашлись⁴⁶, – буркнул Ласло.

Эрих даже с какой-то гордостью шевельнул углом рта и сообщил:

– У Эльзы отец был пиратом, кстати... Совсем мальчиш-кой еще... – Потянулся и заявил: – Поеду в отпуск – сразу женюсь на Эльзе... Джек, Густав, вы не видели мою девчон-

⁴⁶ Это на самом деле так. Значительная часть выживших германцев (и скандинавов) – особенно на побережье – в период Безвременья промышляла настоящими пиратскими набегами, добираясь даже до южноафриканского побережья. Это, кстати, требовало немалого умения и мужества – в тогдашних условиях бушующих морей и океанов.

ку? – Он полез в карман и достал аккуратно заделанное в полиэтилен фото. Цветное. – Вот она, Эльза, – в голосе Эриха прозвучала настоящая нежность, лицо стало откровенно сентиментальным.

Джек пододвинулся ближе. С цветного снимка на мир ясным и спокойным взглядом смотрела хорошенькая голубоглазая блондинка, рослая, крепкая, с чуточку вздернутым носиком и доброй, немного растерянной улыбкой.

– Она сниматься боится, – сообщил Эрих, тоже любуясь снимком, как будто впервые.

– Краси-ивая, – сказал Густав.

Джек тоже кивнул. У него с девчонками всегда были сложные отношения. Постоянная была одна – познакомились в летнем рабочем лагере, когда им только-только по двенадцать исполнилось, целых три года они встречались, а потом появился выпускник их школы, а ныне – Его Императорского Величества джолли⁴⁷ с наградами за несколько «дел» за морями-океанами и... Прошел уже почти год, а Джек никем так и не заинтересовался.

– Вот такая она, моя Эльза, – гордо сказал Эрих, убирая фото. – Мы учились вместе, и я как-то не замечал, какая она – долго не замечал... – Немец быстро, но без стеснения поцеловал фото и убрал его. Потом слегка вызывающе посмотрел по сторонам.

– Он каждый раз боится, что будут смеяться, – шепнул

⁴⁷ Морской пехотинец (англ. армейский жаргон).

Ласло Джеку. – Если тебе понравилась его Эльза, считай, что ты его друг.

Андрей, все это время ворошивший палочкой угли с краю костерка, вскинул голову.

– Эрих, а ты когда-нибудь был в музеях?

– Мм? Был, конечно. Мы даже в школе начали делать музей... только это теперь уже без меня...

– Лежат под стеклом снимки. Иногда – вот такие же девчонки. «Фотография такой-то, жены такого-то, убитого там-то...»

Эрих засмеялся и что-то сказал по-немецки. Потом добавил:

– Я не думаю об этом. Зачем? Если я буду жив, то фотка, может быть, окажется в музее с надписью: «Фотография фрау Эльзы Зильбер, жены мэра нашего города герра Эриха Зильбера, героя боев там-то и там-то».

Вокруг костра засмеялись – весело, открыто, искренне и так громко, что Иоганн проснулся и посмотрел на часы, после чего без единого слова опять уснул.

– Все может быть, – согласился Андрей. – Все может быть, все может статься – в трусах резинка оборваться... Кто знает, какими мы станем в будущем.

– Я знаю, – сухо вато сказал Дик. – Ты знаешь. Все знают, только бояться себе в этом признаться по старой и не нашей памяти... Ты вот что, Эндрю... спой-ка нам.

– И погромче, – добавил Ласло. – Пусть ублюдки слышат,

что мы здесь. И их не ждем.

Андрей как ни в чем не бывало кивнул:

– Жаль, что гитара в лагере осталась!.. Ладно. Слушай-те... – Он задумался, покусал костяшку пальца. Все притихли, подались ближе, а Андрей наконец рванул – резко, весело:

Неизбежен топоров
стук,
Если валят мужики
лес,
Неизбежно упадешь
вдруг,
Если телом на мечи
лез,
Но пока еще стоит
ствол,
Но пока не тяжек груз
плеч,
Ты идешь, как и раньше
шел,
Чтобы землю свою сберечь!

И потрянул головой, улыбнулся – в свете костра блеснули зубы...

...Некоторое время все молчали, потом разом задвигались; Иоганн вдруг сказал:

– Здорово ты поешь, Эндрю. Спал – и то проснулся.

– Ну и нечего, – буркнул Андрей с легким смущением и принялся вновь ворошить угольки.

Джек оглянулся в темноту. И передернул плечами. Может быть, красные уже скрываются там, за кустами, у корней деревьев, в ночи? И готовятся стрелять... Где остальной взвод? А если не успеют? Что тогда?.. Чтобы отвлечься от этих мыслей, он весело спросил:

– Товарищ сержант, а расскажите, как воевали со столбами?

– О-о-о... – Андрей откинулся на спину и, закрыв лицо шлемом, притворился убитым наповал. Иоганн посмотрел исподлобья на своих бойцов, делавших вид, что их тут нет.

– Уже растрепали, – обвиняюще произнес швейцарец. – Ну вы ублюдки, друзья мои.

– Да что ты ломаешься, как крекер? – глядя в сторону, сказала Елена. – Рассказывай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.